

ЖИВАЯ СТАРИНА

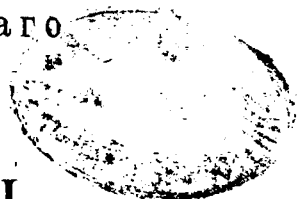
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898

Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ можетъ служить дополненіемъ къ труду моему „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи“ въ 1890 г. Въ предисловіи къ названному труду я высказалъ, что собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣздамъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Сольвычегодскаго уѣзда, именно той окраины его, которая прилегаетъ къ р. Двинѣ, я касался лишь слегка, насколько окраина эта была мнѣ знакома по короткимъ посѣщеніямъ во время поѣздокъ въ Архангельскъ и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, какія попадались мнѣ въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Я зналъ, что жизнь сольвычегодчанъ отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свелъ меня съ крестьяниномъ! Сольвычегодскаго уѣзда, мѣстожителство котораго Метлинская волость, расположенная на низменности, гдѣ сливаются двѣ большихъ рѣки—Двина и Вычегда, родина котораго деревня Марково, стоящая всего въ десяти верстахъ отъ Котласа—конечнаго пункта строящейся Пермь—Котласской желѣзной дороги, я сталъ записывать отъ него свѣдѣнія, касающіяся жизни, обстановки и дѣятельности мѣстнаго населенія.

Развивающееся съ каждымъ годомъ судоходство по Двинѣ и Вычегдѣ, проведеніе Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, а въ особенности Пермь—Котласской, стали уже замѣтно вліять на нравы и образъ жизни крестьянъ, населяющихъ берега Двины и ея притоковъ. Поэтому мнѣ кажется, записи, подобныя той, какую я теперь представляю вниманію читателя, интересующагося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не такимъ, какимъ оно есть, а иное и совсѣмъ исчезнетъ подъ наплывомъ новыхъ условій жизни.

Очеркъ мой не можетъ притязать на совершенную полноту, потому что все мною записанное, рассказывалъ мнѣ одинъ человѣкъ; но за то все,

что рассказано и записано, заслуживаетъ полного довѣрія, такъ какъ рассказчикъ самъ хозяинъ и строитель и семейный человѣкъ, рыболовъ и охотникъ. Въ отношеніи хозяйства и вообще практической жизни полнота очерка мнѣ кажется достаточною, пробѣлы же представляютъ вѣрованія, суевѣрія и сопряженные съ послѣдними обряды. Въ этомъ отношеніи всѣ мои вопросы, обращавшіеся къ рассказчику, за немногими исключеніями, не привели ни къ чему.

— „Я такъ думаю, что все это бабьи запуки“ (т. е. вздоръ), или: „объ этомъ надо старухъ спрашивать“ — вотъ были отвѣты на мои вопросы изъ области суевѣрій и демонологіи. Впрочемъ, область эта, мнѣ кажется, достаточно полно выяснена въ прежнемъ трудѣ моемъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго предисловія.

I.

Общій обзоръ.

Деревня Марково (или, по мѣстному названію, Дресвенецъ), Метлинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи, лежитъ подъ $61\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш. и 16° вост. долготы (отъ Пулкова). Она занимаетъ мѣсто недалеко отъ центра низменнаго, заливаемаго весеннею водою острова, около 10 верстъ длиною и 6 шириною, омываемаго съ запада р. Сѣвѣрною Двиною, а съ юга, востока и сѣвера протокомъ той же Двины, называемымъ Курьею. Нѣсколько верстъ южнѣе, т. е. выше по теченію Двины, въ послѣднюю съ востока вливается Вычегда, отдѣляя отъ себя неширокій протокъ и образуя, такимъ образомъ, островъ, называемый Толубенскимъ (отъ деревни Толубьева, лежащей на этомъ островѣ). Два упомянутыхъ большихъ острова и полуостровъ между ними, образуемый съ одной стороны Курьею, съ другой Двиною и съ третьей протокомъ Вычегды, представляютъ обширную низменность съ песчанюю почвою, заливаемую въ весеннее время водами Двины и Вычегды, такъ что почта, идущая во время половодья изъ Устюга въ Сольвычегодскъ и прибывшая въ Ускорье, деревню, расположенную на лѣвомъ высокомъ берегу Двины, провозится 9 верстъ на карбасахъ до дер. Кузнецова, куда весеннія воды уже не достигаютъ. Мысъ, образуемый лѣвымъ берегомъ Вычегды и правымъ Двины, составляетъ продолженіе той же низменности, но не столь широкой.

Въ $\frac{1}{2}$ вер. отъ Двины и въ 1 вер. отъ Вычегды берегъ поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Котласъ (по мѣстному названію Котдласъ), имѣющая въ близкомъ будущемъ обратиться въ городъ, такъ какъ близъ самой этой деревни строится теперь вокзалъ Пермь-Котласской желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Двины противъ Котласскаго мыса тоже представляетъ низменное мѣсто, такъ что деревня Вондокурье, лежащая здѣсь,

заливается водою, но близъ Ускорья терраса лѣваго Двинскаго берега подходитъ къ рѣкѣ и самое Ускорье (сокращенное изъ Усть-Курья) стоитъ уже на горѣ; далѣе къ сѣверу этотъ берегъ Двины не представляетъ заливныхъ луговъ на довольно далекомъ протяженіи.

Пространство между лѣвымъ берегомъ Двины и высокою террасою праваго берега, на которой расположились деревни Грігорово, Загорка, Семидѣха, Грива, Мостовъ, Кузнецово и Пѣришино, ежегодно заливается водою, такъ что деревни Марково, Крутецъ, Грехнево, Толубьево и Падзеро страдаютъ отъ наводненія. Вода уноситъ амбары и другія служебныя постройки, скотъ приходится поднимать изъ стай на повѣти; бываютъ годы, что вода заходитъ въ печи и оставляетъ за собою повсюду толстый слой илу. Но этотъ самый илъ, отлагаемый на дугахъ, принадлежащихъ всѣмъ перечисленнымъ мною деревнямъ, и даетъ роскошныя урожаи сѣна и хлѣба, даетъ возможность имѣть хорошій скотъ и лошадей. Крестьяне могли бы существовать безбѣдно на этихъ дугахъ, если бы только не ощущалось недостатка въ землѣ.

„Плодородіе этихъ луговъ, говоритъ докторъ Снятковъ ¹⁾, зависитъ вполне отъ рѣчныхъ заносовъ, такъ что въ общемъ можно сказать, что травы тѣмъ лучше, чѣмъ выше и долѣе на данномъ лугѣ стоитъ весенній разливъ и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, садится осадковъ. Только изрѣдка такіе луга, удаленные отъ рѣки, являются менѣе плодородными. Это объясняется опять таки тѣмъ, что на эти дальніе луга воды рѣки приносятъ только сравнительно мало осадковъ, оставляя ихъ ранѣе на дугахъ и въ кустахъ, лежащихъ ближе къ рѣкѣ. Слои весеннихъ осадковъ бываютъ такъ толсты, что нужно двѣ или три недѣли на спаденіе воды, чтобы показались ростки травъ, корни которыхъ глубоко занесены наносомъ, а на голыхъ пескахъ иногда въ одну весну наносятся слои толщиной въ пѣлый аршинъ и болѣе“.

„Густота травъ на этихъ дугахъ измѣничива, но большею частью кажется очень значительною, между тѣмъ, на скошенныхъ мѣстахъ трава оказывается растущей довольно рѣдко. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что густота травы на этихъ дугахъ зависитъ не столько отъ густого произрастанія этихъ травъ, сколько отъ роскошнаго развитія отдѣльныхъ экземпляровъ“.

„Мѣстами ходить по этимъ лугамъ можно только съ значительнымъ усиліемъ, такъ много даетъ себя чувствовать густота травъ, особенно въ мѣстахъ, сплошь заросшихъ клеверомъ, горошками, чиною и астрагаломъ, стебли которыхъ, перепутываясь между собою, связываютъ ноги пѣшеходу“.

Лѣсъ въ описываемой мною низменности совершенно отсутствуетъ; онъ начинается въ верстахъ 4 къ востоку отъ Маркова, но тутъ идетъ уже

¹⁾ „Ботаническое изслѣдованіе заливныхъ луговъ въ долинахъ Сѣв. Двины и Вычегды“. Вологда. 1889 г. .

сплошною зарослью. Преобладающею порождою въ немъ является сосна, за нею идетъ ель; пихта попадаетъ рѣдко; за елью лиственница (по здѣшнему лѣсень) и можжевельникъ (вересъ); кодръ, какъ извѣстно, не растетъ дико до Тиманскаго хребта, но, будучи посаженъ, образуетъ цѣлыя рощи; такъ и здѣсь отдѣльныя деревья растутъ прекрасно и приносятъ плоды.

Изъ лиственныхъ породъ преобладающею является береза; за нею слѣдуютъ осина и ольха (двухъ сортовъ), рябина, черемуха, ява древесная, липа и вязъ въ лѣсахъ и на лугахъ и, наконецъ, осокорь, вырастающій огромными деревьями на заливныхъ островахъ Двины и Вычегды ¹⁾. Осокорь произрастаетъ настолько обильно, что древесина его идетъ на теплыны въ овины и употребляется охотно потому именно, что при горѣніи не даетъ искръ. Изъ этой же древесины выдѣлываютъ и „наплавки“ къ неводамъ.

Кустарныя породы тоже довольно разнообразны въ описываемой мною мѣстности. Здѣсь произрастаютъ: калина, жимолость двухъ видовъ, таволжникъ (*Spiraea*), росинникъ (*Cotoneaster*), шиповникъ двухъ видовъ, смородина красная и черная, малина и крушина, не говоря уже о мелкихъ сортахъ кустарныхъ ивъ, изъ которыхъ иные имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ большое значеніе.

Изъ ягодныхъ травъ по берегамъ Двины и Вычегды произрастаютъ брусника, черника, голубика, паленика, морошка и отчасти ежевика.

Садикивъ при домахъ нигдѣ не разводятъ, въ деревнѣ же Марковѣ нѣтъ даже ни одного дерева. Огороды есть (они зовутся огородцами) и тутъ разводятъ капусту, картофель, лукъ, морковь, бобы, свеклу, рѣдку и хрѣнъ. Чеснокъ не садятъ, потому что на заливныхъ лугахъ въ обиліи произрастаетъ дикій чеснокъ (*Allium angulosum*), который собираютъ, толкутъ, обливаютъ квасомъ и въ это кушанье „мачутъ кусокъ“, т. е. обмакиваютъ черный хлѣбъ и ѣдятъ.

Петрушку, укропъ и т. п. никогда не сѣютъ, тыквъ и огурцовъ не разводятъ. Иноземные плоды, напр. лимоны, не только не въ употребленіи, но многіе о нихъ и не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которые бывали въ Вологдѣ и Архангельскѣ. По этому поводу рассказчикъ привелъ довольно курьезный фактъ. Одинъ изъ его односельчанъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Архангельскъ и зайдя въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ, о которомъ

¹⁾ Я подчеркиваю это названіе, такъ какъ ботаники проводили сѣверную границу осокоря (*Populus nigra*) на нѣсколько градусовъ южнѣе. Впервые осокорь встрѣченъ былъ мною въ низовьяхъ р. Юга, затѣмъ, я нашелъ его на Двинѣ въ Устюгскомъ уѣздѣ, а докторъ Снятковъ даже въ Яренскомъ по р. Выми. Но имѣются несомнѣныя свѣдѣнія о произрастаніи осокоря въ Вологодской губ. въ давнія времена. Такъ, въ сочиненіи А. Соскина „Исторіи города Соли-Вычегодской“, изд. 1789 г., въ жизнеописаніи Іоанна Юродиваго (стр. 143) сказано: „Бѣгаше же блаженный Іоаннъ и въ другую страну веси, глаголемѣй Пачезерской, отстоящую отъ града 15 верстъ или поприщъ, до великихъ древъ осокорей“.

онъ слыхивалъ. Возвратясь же домой, сталъ смѣяться надъ тѣми, которые находятъ вкусъ въ чаю съ лимономъ, причемъ далъ понять, что лимонъ этотъ былъ соленый. Когда его разспросили подробнѣе, оказалось, что онъ смѣшалъ два незнакомыхъ ему плода и, вмѣсто лимона, спросилъ огурца, который ему и подали. Мужикъ этотъ былъ долго общимъ посмѣшищемъ въ деревнѣ.

Въ лавкахъ покупаютъ приправы: „стручковый“, „горосчатой“ и молотый перецъ и горчицу, но болѣе ничего. Пьютъ покупной чай, но никакихъ травъ, какъ суррогатъ чая (напр., звѣробой, земляничный) не употребляютъ. Кофе настоящаго не пьютъ, а покупаютъ подъ названіемъ „кофею“ какія то сушенныя ягоды въ коробкахъ. Чай пьютъ съ сахаромъ, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе дороговизны этого продукта; изюмомъ сахаръ не замѣняютъ, тоже потому, что эта прикуска дорога. Сахаристыя вещества, необходимыя для организма, особенно дѣтскаго, получаютъ поѣданіемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ многихъ дикорастущихъ мѣстныхъ растений; напр. зонтичныхъ *Angelica silvestris*, *Heracleum sibiricum*, а также крестоцвѣтнаго *Bunias orientalis*, хвощей (*Equisetum*), которые идутъ въ пищу въ видѣ плодоносныхъ стеблей, цестовъ „вороньихъ“ и чеешныхъ“ (последніе считаются болѣе вкусными) и въ видѣ орѣшковъ (подземныхъ клубней), развивающихся на корняхъ полевого хвоща, такихъ же клубней зонтичнаго *Chaerophyllum bulbosum*, варятъ цвѣточные стебли („стобики“) щавеля (*Rumex Acetosa*), а въ особенности лакомятся повсемѣстно сосновымъ и березовымъ сокомъ, добываемымъ весною, наконецъ, ѣдятъ кисель изъ солоду, въ которомъ развариваются ягоды калины.

Куренье табаку, конечно, махорки, очень распространено, но въ послѣдніе годы, со вздорожаніемъ этого наркотика, иные стали переходить къ нюханью. „Какъ табакъ подорожалъ, народъ сталъ отыкаться (останавливаться), другой и курить совсѣмъ ошабанилъ“. Хотя нюхательный табакъ дѣлается изъ той же махорки, но въ него прибавляютъ чуть не на половину высушенныхъ и смолотыхъ еловыхъ иголъ и печной золы.

Деревня Марково отстоитъ отъ Двины въ 2 вер. и имѣетъ 34 дома; расположена она, какъ здѣсь говорится, „камницей“, т. е. дома стоятъ не въ двѣ линіи по дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а вразсыпную и глядятъ своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими къ нимъ „огородцами“ дороги извиваются такъ прихотливо, что нищіе, забравшись въ деревню, не скоро находятъ изъ нея выходъ. Жителей въ деревнѣ 183 человека мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кромѣ младенцевъ, изъ нихъ грамотныхъ 30, т. е. 16⁰/₁₀₀. Грамотными я считаю, не какъ принято обыкновенно, даже такихъ, которые умѣютъ лишь подписать свою фа-

милію, но дѣйствительно читающихъ и пишущихъ, хотя, надо сказать, что въ деревнѣ Марково пишутъ и читаютъ лишь изрѣдка письма, книгъ же никто не читаетъ, такъ какъ ихъ нѣтъ и достать негдѣ. Ближайшая къ Маркову школа—министерская—въ 3 верстахъ, въ селѣ Григоровѣ (по мѣстному Писѣница); затѣмъ, въ 10 верстахъ на Коморицѣ—земская и въ 6 вер. на Вешкурѣ—тоже земская. По выходѣ изъ этихъ школъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки прерываютъ съ ними всякія отношенія; бібліотечекъ при школахъ нѣтъ, а если и есть, то книги изъ нихъ не выдаются для чтенія „постороннимъ“ лицамъ. Что касается духовнаго просвѣщенія народа, то здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ изумительнымъ фактомъ, что мой рассказчикъ, уроженецъ дер. Маркова, совершенный язычникъ. О Богѣ онъ только слыхивалъ отъ родителей, объ Христѣ же никогда ни отъ кого не слышалъ ¹⁾, Евангелія не читывалъ, едва умѣетъ перекреститься и не знаетъ не только важнѣйшихъ молитвъ, но даже и той, которую произносятъ толстовскіе старцы: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

И этотъ крестьянинъ, имѣющій 28 лѣтъ отъ роду, домохозяинъ и женатый человѣкъ, конечно, не представляетъ исключенія среди обитателей верхней Двины и устьевъ Вычегды. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что въ названномъ краю „грудно“ расположились семь приходскихъ церквей (въ Вондокурѣ, Туровцѣ, Комарицѣ, Вешкурѣ, Григоровѣ, Падзерѣ и Котластѣ), затѣмъ, въ 27 верстахъ отъ Маркова стоитъ городъ древняго благочестія Сольвычегодскъ, въ которомъ 12 церквей, и въ 70 верстахъ еще болѣе древній Устюгъ Великій, гдѣ 25 церквей и мѣсто-жительство архіерея. Мѣстный причтъ посѣщаетъ деревни своего прихода для того только, чтобы собрать хлѣбъ и дары о праздникахъ и, конечно, ни въ какія духовно-нравственныя бесѣды со своими прихожанами не вступаетъ. „Досугъ ли ему рассказывать? а проповѣдь въ церкви читаетъ“ ²⁾.

Медицинская помощь въ волости почти не существуетъ. Земскій врачъ живетъ въ Сольвычегодскѣ и участка своего не объѣзжаетъ; фельдшеръ тамъ же, и если его вызовутъ, то является. Лечь въ больницу крестьянинъ рѣшается

¹⁾ Не слыхалъ никогда и „Христось съ тобой“ и „Христа ради“ и „Христомъ побирается“ и „Христось воскресъ—воистину воскресъ“? Не слыхалъ ничего ни о Рождествѣ, ни о Богородицѣ, ни о Вознесеніи, ни о Воскресеніи Христовомъ, не слыхалъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ нищими, не видалъ иконъ, никогда не бывалъ въ церкви, однако женатъ?—Въ этомъ показаніи нельзя не усумниться. Крестьянинъ, какъ видно, очень толковый, напустилъ эту дурь на себя, желая щегольнуть передъ ученымъ бариномъ своимъ позитивизмомъ (см. на стр. 4—„бабы запускъ“). И ему повѣрили, значить совралъ не напрасно. *Ред.*

²⁾ И все это повальное осужденіе Сольвычегодскаго духовенства, безъ сомнѣнія несправедливое, какъ всѣ такого рода огульняа осужденія, вновь убѣждаетъ насъ въ невѣрности показанія Марковского крестьянина и въ нѣкоторой въ этомъ случаѣ легковѣрности нашего почтеннаго автора. Самъ же онъ говоритъ, что съ Сольвычегодскимъ уѣздомъ лично онъ мало знакомъ, не имѣлъ значить случая и близко узнать тамошнее духовенство: не состоитъ же оно поголовно изъ дурныхъ, недоброкачественныхъ людей. *Ред.*

только въ послѣдней крайности. Лѣчатся домашними средствами и у „шоптуновъ“, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется хирургическая помощь. Народъ, вообще, отличается въ тѣхъ мѣстахъ здоровьемъ, однако, лихорадки, по спадѣ водъ, даютъ себя знать.

Скота въ деревнѣ крупнаго около сотни головъ, но скотъ не холмогорской породы. Попытки развести эту породу дѣлались не разъ, но не удавались. Впрочемъ, скотъ не дурной. Хорошая корова вѣситъ здѣсь, т. е. на Двинѣ, пудовъ 15 и даетъ бутылокъ 20 молока въ день, быкъ вѣситъ отъ 18 до 20 пудовъ. Масло копятъ и продаютъ въ города (Красноборскъ, Сольвычегодскъ, Устюгъ) отъ 14 до 19 коп. за фунтъ. Куръ держатъ много и яйца отдаютъ скупщикамъ по 8—9 коп. за десятокъ; другой домашней птицы никакой не держатъ.

Куриныя яйца кладутъ въ вороньи гнѣзда съ цѣлью дать воронамъ высидѣть ихъ, потому что курица, „вышаренная“ вороной, бываетъ кладливѣе. Куриное яйцо „подводится“, т. е. подкрашивается подъ воронье сажей. Одно воронье яйцо изъ гнѣзда выбрасывается и кладется взамѣнъ его куриное, но только одно, иначе ворона замѣтитъ обманъ. Подложивши яйцо, по временамъ лазятъ и наблюдаютъ, не вылупился ли птенецъ, чтобы тотчасъ же вынуть его вонъ, иначе ворона убьетъ его.

Не смотря на плодородіе почвы, неурожаи случаются. Земство въ такихъ случаяхъ не помогаетъ. „Не связываются съ нимъ, потому что раньше натѣкало“, т. е. брали хлѣбную ссуду въ голодные годы и до сихъ поръ не могутъ съ этой ссудой раздѣлаться.

Кабака въ деревнѣ нѣтъ; онъ находится въ 3 вер., у церкви, „и у каждой церкви въ волости по кабаку“.

Земская почта въ уѣздѣ существуетъ, но денежные и заказныя письма, равно и посылки, можно получать только въ волостномъ правленіи, въ 27 вер. отъ деревни, простая же корреспонденція доставляется въ сельское общество, но и за той нужно идти 3 версты.

Изъ звѣрей въ краѣ водятся: волки, медвѣди, рыси, росوماхи, куницы, лисицы, горностан, ласки, хорьки, бурундуки, бѣлки, зайцы. Оленей и лосей нѣтъ.

Изъ птицъ: тетерева, глухари, рябчики, утки, гуси, лебеди, журавли, гагары, галки, голуби, чайки, воробьи. Грачи въ деревнѣ и ея окрестностяхъ вовсе не селятся (потому что нѣтъ деревьевъ), но въ Сольвычегодскѣ они живутъ обильно. Изъ хищныхъ птицъ: коршуны, ястреба, филины, совы, сычи, вороны, вѣроны, сороки. Волки и медвѣди убиваются для шкуръ (волчья шкура цѣнится въ 3 руб.), тоже и бѣлки (отъ 5 до 10 коп.). Зайцевъ бьютъ для шкурки и для ѣды, но ѣдятъ только заднюю часть, шкурка про-

дается по три коп. Собачьи шкуры идутъ на шубницы (теплыя рукавицы шерстью вверхъ) и на шапки, тоже и кошачьи.

Тетеревей и глухарей ѣдятъ жареными, но не варятъ, рябчиковъ варятъ и жарятъ, тоже утокъ и гусей. Лебедей не ѣдятъ (считаются погаными), бьютъ лишь ради шкурокъ, но не на продажу, а набиваютъ изъ нихъ „чу-чалки“ и ставятъ въ избахъ „гля басы“ (для украшенія). Журавлей ѣдятъ — варятъ и жарятъ, но куръ и пѣтуховъ не ѣдятъ вовсе.

Голубей не бьютъ, это считается грѣхомъ, также и „воробышковъ“. Сорѣкъ бьютъ для того, чтобы достать мозгъ, который считается превосходнымъ средствомъ для смазыванія „оммороженныхъ“ частей тѣла. Съ тою же цѣлью употребляется и гусиное сало.

Къ птицамъ вообще относятся сочувственно: въ клѣткахъ ихъ не держатъ, нигдѣ и никогда; „птичу грѣхъ держать взапертѣ, въ засѣдкѣ. Иногда держатъ въ избахъ голубей, но они летаютъ свободно и вылетаютъ на улицу по желанію. Утокъ — селезней и острохвостокъ ловятъ руками и держатъ въ избахъ для того, чтобы потомъ съѣсть. „Хто убьетъ птичу зря, тово ругаютъ, потому што и ворона безприцінная птица“ (т. е. ни въ чемъ не повинна).

Утиныя яйца ѣдятъ вареными; найти утиное гнѣздо очень трудно, но инныя утки вьютъ себѣ гнѣзда въ „полунѣтрыхъ“ соснахъ довольно высоко отъ земли; такія гнѣзда разыскиваютъ и яйца изъ нихъ выбираютъ.

Собака считается животнымъ въ высшей степени поганымъ и сквернымъ. Въ избу ее пускаютъ и позволяютъ лежать на полу, но никогда не пустятъ на лавку и почевать она должна на повѣти. Черезъ нее не молятся. Иногда ее приласкаютъ, но на руки не берутъ. Если собака обнюхаетъ кушанье, его ни за что не тронутъ, а отдадутъ ей. Собакѣ никогда не позволяютъ ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣдятъ люди, а если она полизала изъ чашки, чашку сожгутъ или бросятъ. Собакѣ, какъ и кошке, дается особая посуда для ѣды; она зовется собачья, та же, изъ которой ѣстъ кошка, зовется „папѣрей“.

Кошка тоже считается поганой, черезъ нее не шагаютъ, а отопнутъ, если она лежитъ на дорогѣ. Въ церковь ее не пускаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но, вообще, она пользуется большимъ расположеніемъ, чѣмъ собака, ее гладятъ и берутъ на руки.

Рыбы въ описываемыхъ мѣстахъ водятся слѣдующія: окунь, лещъ, язь или язенокъ, подъязокъ, стерлядь, сорога (плотика) или сорѣжка, пескарь, бѣлашки (мелкая рыбка, но не снятки), ерши, караси, семга, харіузъ, мулявка, семидырка (минога; ихъ ловятъ, но только для кошекъ).

Привозная рыба изъ Архангельска: треска, палтусъ, семга, пикша, сайда, навага, морской окунь, зубатка, морская налимнина (?), сельди и камбала.

Раковъ ловятъ въ Двинѣ, но не варятъ, а пекутъ на угляхъ и ѣдятъ одиѣ клешни.

Постройка дома и службъ.

Домомъ вообще зовется постройка, въ которой находятся: жилое помѣщеніе, повѣтъ и стая; изба-же—одна только жилая комната.

Матеріаломъ для постройки дома служатъ исключительно сосновыя бревна; лиственничныя исполняютъ роль фундамента, еловыя же никогда не употребляются.

Лѣсъ ронится, т. е. рубится въ великого вѣнья—великимъ постомъ и тотчасъ же вывозится въ деревню. Если лѣсъ пролежитъ на улицѣ все лѣто до осени, онъ зовется виснодильнымъ; такой лѣсъ можно рубить, т. е. дѣлать изъ него домъ, когда угодно, потому что онъ сухой; сырой, стало быть, мерзлый, рубить трудно, такъ какъ онъ „отшибаетъ руки“.

Срубъ (по мѣстному стопѣ) рубится или на мѣстѣ, т. е. тамъ, гдѣ домъ будетъ стоять, или же гдѣ нибудь вдали и послѣ разбирается и перевозится на мѣсто. Въ такомъ случаѣ мохъ не кладется и пазы мнутся тогда уже, когда стопа сложена. Если же рубится на мѣстѣ, то прямо „на мохъ“, т. е. слой моху кладется на окладники (см. ниже), на него слѣдующій вѣнецъ, т. е. четырехугольникъ изъ бревенъ, опять мохъ, и т. д.

Выбравъ мѣсто для дома, крестьянинъ прежде всего кладетъ на землю окладники, т. е. четыре лиственныхъ бревна, соединенныхъ между собою въ вѣнецъ, при чемъ въ мѣстахъ соединенія въ рубыши кладется мохъ и таковой-же разстилается по всей поверхности четырехъ нижнихъ бревенъ, затѣмъ, на окладники кладется слѣдующій вѣнецъ, уже изъ сосновыхъ бревенъ.

Когда это сдѣлано, служатъ молебень, называемый на-подъѣмъ.

Два первыхъ вѣнца опредѣляютъ мѣсто для подстолбковъ. Подстолбки—это сосновыя или лиственничныя чурки, вкапываемыя въ землю подъ углы окладниковъ; на нихъ будетъ держаться весь домъ. На верхнихъ срубъзахъ подстолбковъ вырубаютъ предварительно топоромъ фигуру креста. Камней-же подъ углы зданій никогда не кладутъ.

Подъ домомъ выкапывается яма, зовущаяся голбцемъ; въ нее опускается срубъ—ряда два бревенъ, песокъ-же, вырытый изъ ямы, приваливается къ внутренней поверхности стѣнъ дома и зовется завадиной. Впослѣдствіи изъ избы дѣлается въ голбецъ особый ходъ.

На окладники кладутся слѣдующіе ряды бревенъ съ мохомъ между ними. Мохъ берется или изъ рѣчекъ, такъ наз. золѣзнякъ, или на бору на сырыхъ мѣстахъ (*Sphagnum*) и его сушатъ дома.

Всѣхъ рядовъ, т. е. вѣнцовъ, въ срубѣ бываетъ обыкновенно 17, иногда 15.

На пятомъ ряду кладется полъ. Концы половыхъ тесинъ входятъ въ черепа—вырубки въ стѣнахъ избы; подъ полъ по срединѣ укладывается матица, круглое бревно, служащее для того, чтобы полъ не прогибался. Для матицы въ стѣнахъ вырубаются гнѣзда, въ которыя она и входитъ своими концами.

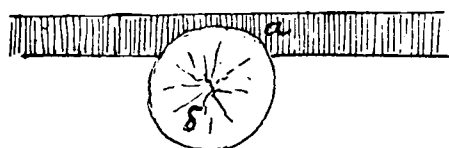

Рис. 1.

Такъ какъ половицы не всегда одной толщины, то полъ можетъ выйти неровенъ. Чтобы выровнять его, на нижней поверхности половицъ вырубается лапы *а*, въ которыя и входитъ матица *б* (рис. 1). Для того-же, чтобы полъ не коробился, въ половицахъ выдалбливаются долотомъ гнѣзда и въ нихъ загоняются шипы *в* (рис. 2).

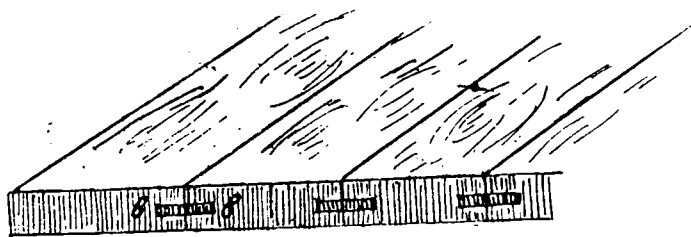

Рис. 2.

Полъ выравнивается стругомъ. Если въ половицѣ попадется сучекъ, который выскочить, то въ дырку заколачивается сосновая

палочка—шкѣнтикъ.

На концы половицъ у стѣнъ, чтобы не попадала вода, когда станутъ мыть полъ, приколачиваются наливники—бруски, имѣющіе видъ трехгранныхъ призмъ. Ямки и неровности въ полу ничѣмъ не замазываются и полъ не красится.

На седьмомъ ряду начинаютъ вырубать окна, причемъ въ седьмомъ

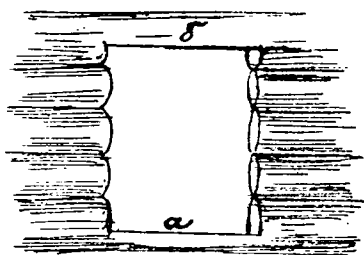

Рис. 3.

бревнѣ дѣлается вырубка, называемая подоконникомъ *а*, такая же вырубка въ верхнемъ бревнѣ (по высотѣ окна) зовется пролетомъ *б*₁ (рис. 3). У двери вырубка внизу зовется порогомъ, а верхняя тоже пролетъ.

Въ углахъ бревна скрѣпляются обычнымъ способомъ, т. е. въ каждомъ деревѣ вырубается по два рубыша, вершкови по 7 или 8, кромѣ того, вынимается пазъ для моху; концы бревенъ, торчащіе

на улицу, зовутся заугёлками, они потомъ выравниваются пилою. Срубъ, доведенный до крыши, какъ уже было сказано, зовется стопою.

Въ прорубы, сдѣланные для оконъ, прежде всего вставляются колодины—косяки, дѣй вертикальныхъ и двѣ горизонтальныхъ. Въ вертикальныхъ колодинахъ со стороны стѣны дѣлаются выемки—выдры; въ эти выдры и входятъ бревна стѣны. Такія же колодины вставляются и въ двери. Въ дверныхъ колодинахъ вырубается кругомъ притворъ, т. е. прямоугольная выемка, въ которую должно входить полотно двери.

Полотно двери составляется изъ 4-хъ досокъ, въ которыхъ, когда онѣ сложены, дѣлаются двѣ косыхъ выемки; въ эти выемки вколачиваются на́рвы (безъ клея и гвоздей); для укрѣпленія ихъ, въ концахъ вгоняются клинья. Въ колодину вколачиваются два желѣзныхъ крюка *а*, а на нихъ надѣвается загнутый въ кольцо конецъ желѣзной полосы *б*, затѣмъ, полоса приколачивается тремя гвоздями въ полотно двери. У свободного, вертикальнаго края двери приколачиваются съ одной и съ другой стороны по желѣзной скобѣ *в*. Къ верхнему пролету приколачивается на 4 гвоздя на́лишникъ, прикрывающій мохъ, который кладется на верхнюю колодину (рис. 4).

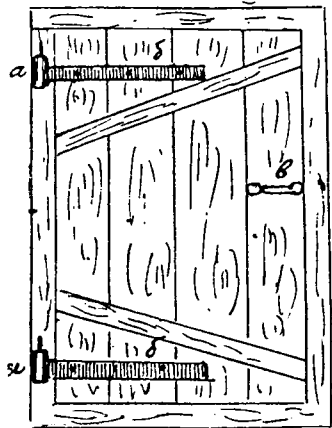

Рис. 4.

Съ наружной стороны двери, кромѣ скобы, приколачивается еще пробой для всякаго замка, которымъ изба запирается, когда всѣ обитатели ея уходятъ далеко (напр., на сѣнокосъ), если же оставляютъ избу пустою ненадолго, то, притворивъ дверь, просто приставляютъ къ ней лопату или помело, какъ знакъ того, что въ избѣ никого нѣтъ.

Окóльницы, т. е. оконныя рамы, дѣлаетъ столяръ. Бруски, въ которые врѣзываются стекла, зовутся перече́ньями. Рама просто приколачивается къ окну гвоздями. Большія окна зовутся колодными, меньшія не имѣютъ особыхъ названій.

На второмъ бревнѣ сверху стопы въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ вынимаются черепá. Особо отъ череповъ въ бревнахъ вырубаются подмáтки, т. е. отверстія, въ которыя входятъ концы матицы *а*. Для большей прочности, кромѣ главной матицы, кладутся еще побочныя, называемыя тоже подматками, *б* (рис. 5).

Поперекъ матицъ укладывается потолокъ изъ круглыхъ бревенъ. Когда бревна накачены, ихъ прижимаютъ начерёпкомъ, т. е. самымъ верхнимъ вѣнцомъ бревенъ и конопатятъ мохомъ.

Затѣмъ, рубится повалъ *в*, т. е. рядъ бревенъ, скрѣпленныхъ другъ съ другомъ шипами. Нижнее бревно повала по длинѣ равно поперечной стѣнѣ

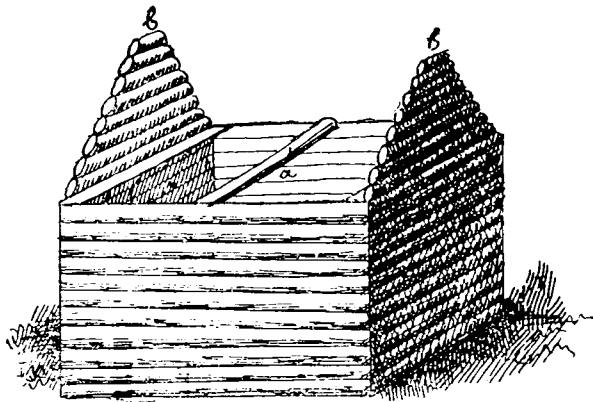

Рис. 5.

дома, слѣдующія постепенно суживаются и образуютъ треугольникъ; боковые стѣны повала зовутся слюзами.

Поваль не всегда бываетъ бревенчатый, иногда его дѣлаютъ и тесовымъ. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто пары стропиль, какъ это имѣетъ мѣ-

сто при бревенчатыхъ повалахъ, ихъ ставятъ три пары, какъ показано на рис. 6.

Стропила укрѣпляются своими нижними концами въ гнѣздахъ, выдолблен-

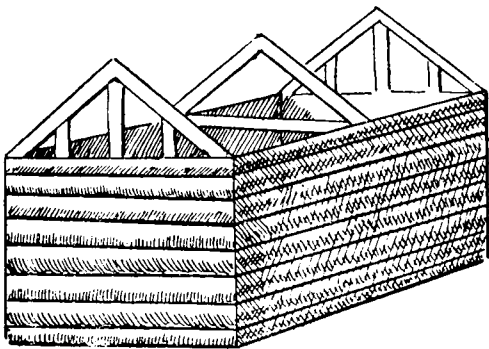

Рис. 6.

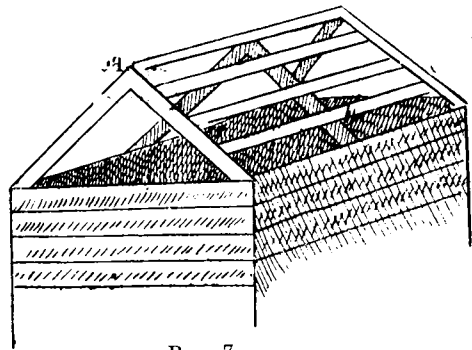

Рис. 7.

ныхъ въ стѣнѣ. Если бревенчатыхъ поваловъ не дѣлается, то въ крайнія стропилины вставляются стойки изъ отесанныхъ съ двухъ сторонъ нетолстыхъ бревенъ; стойки эти служатъ для обшивки повала: тесины приколачиваются къ нимъ гвоздями.

Когда это сдѣлано, поперекъ стропиль, параллельно стѣнамъ, владутся слегы изъ бревенъ вершка по 2 въ отрубъ; онѣ входятъ въ рубышки, выдолбленные въ стропилинахъ, и приколачиваются гвоздями (см. рис. 7). Слегъ всего 13 штукъ, по 6 на сторонѣ и 13-я на верху князѣвая. Для укрѣпленія, стропила связываются прибитыми къ нимъ крестъ-на-крестъ досками („крестовыя штуки“).

Затѣмъ, крыша кроется тесомъ. Тесины кладутся поперекъ слегъ; внизу онѣ входятъ въ водопуски *а*, а водопуски лежатъ на курочкахъ *б*—де-

ревянныхъ крючкахъ, которые владываются въ нижнюю, лежащую на стѣнѣ, слегу. Верхніе концы тесинъ прижимаются охлупнемъ в. Это—выдолбленное жалобомъ бревно, вогнутою стороною оно кладется на князевую слегу (рис. 8).

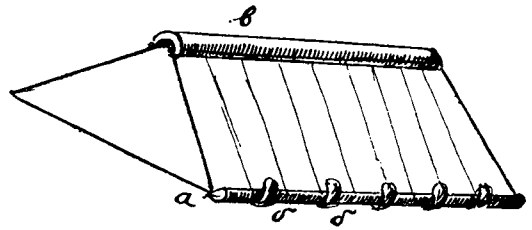

Рис. 8.

Чтобы снѣгъ не попадалъ подъ крышу и чтобы ее не сорвалъ вѣтеръ, къ слегамъ съ передней и задней стороны приколачивается подзоръ изъ досокъ; съ боковъ его нѣтъ.

Спереди подъ угломъ крыши прикрѣпляется дуга изъ тонкихъ досокъ, называемая кузовкомъ; она служитъ единственно для украшенія.

Подъ крышей (на чердакѣ) спереди на потолокъ ставится небольшой срубъ о три стѣны (четвертая, передняя стѣна образуется поваломъ), представляющій комнатку; она имѣетъ отдѣльный потолокъ и полъ. Въ задней стѣнѣ прорубается дверь, спереди (въ повалѣ) — окно. Эта лѣтняя комнатка зовется изиминъ (т. е. мезонинъ); лѣтомъ въ ней спать, а зимой она служитъ кладовою. Передъ окномъ изимина дѣлается балхонъ; на него можно выходить изъ окна.

Рис. 9.

Къ передней стѣнѣ дома, но не вплотную, а лишь до зауголковъ, приваливается на землю бревно, такъ, что между нимъ и стѣной дома образуется какъ бы ящикъ: это пространство засыпается пескомъ, съ тою собственно цѣлью, чтобы холодъ не проникалъ съ улицы подъ полъ избы. Въмѣсто бревна ставятъ иногда „плетешокъ“ изъ виць и между нимъ и стѣной насыпаютъ льняную костицу, перемѣшанную съ пескомъ.

Въ деревняхъ по Сухонѣ (въ Устюжскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ), вмѣсто описанныхъ заваленокъ передъ избой вколачиваются въ землю колья и пространство между этими кольями и стѣною дома заваливается соломой до самыхъ оконъ, въ окна же вставляются снаружи подушки, набитыя куделей, съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ для прохода свѣта. И то, и другое, конечно, весьма негигіенично и безобразно. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ этого нѣтъ. При наступленіи сильныхъ морозовъ здѣсь окна завѣшиваются иногда снаружи соломенными коврами, и только.

Конопатятъ домъ черезъ годъ или черезъ два по постройкѣ, но не мохомъ, а льняными отрѣсками, посредствомъ желѣзной лопатки, называемой конопаткой; по лопаткѣ ударяютъ кіемъ.

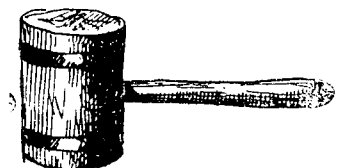

Рис. 10.

Кій—березовая чурка, обтянутая желѣзными кольцами. Сбоку вставляется ручка, которая зовется чѣрентъ (см. рис. 10). Береза для кія подсыкивается особенная, т. е. такая, слои которой закручиваются спиралью (въ Никольскомъ у. цвиль, цвилеватая береза); она—отличается большою крѣпостью и зовется здѣсь щеткой. Отрепи предварительно ссыкаются въ жгутъ, называемый конопатью, и эта конопать вколачивается въ пазъ кіемъ.

Конопатить умѣетъ не всякій, а только мастеръ, называемый конопатчикомъ.

Конопаченье избы длится съ недѣлю, если работаетъ одинъ и стоитъ рубля 3—4 на хозяйскихъ харчахъ.

Съ задней стороны къ избѣ примыкаетъ мостъ (т. е. мостъ). На шести столбахъ, вкопанныхъ въ землю, кладутся перекладины, а поперекъ ихъ настиляется самый мостъ изъ тесу или изъ половѣнника, т. е. распиленныхъ на-двое бревенъ, которые укладываются горбомъ книзу. Надъ мостомъ, на перекладинахъ, настиляется тесовый потолокъ—пѣдволока.

Къ мосту по ту или другую сторону избы пристраивается крыльцо. Это—площадка, обыкновенно съ крышею и перилами; съ нея спускается лѣстница на землю.

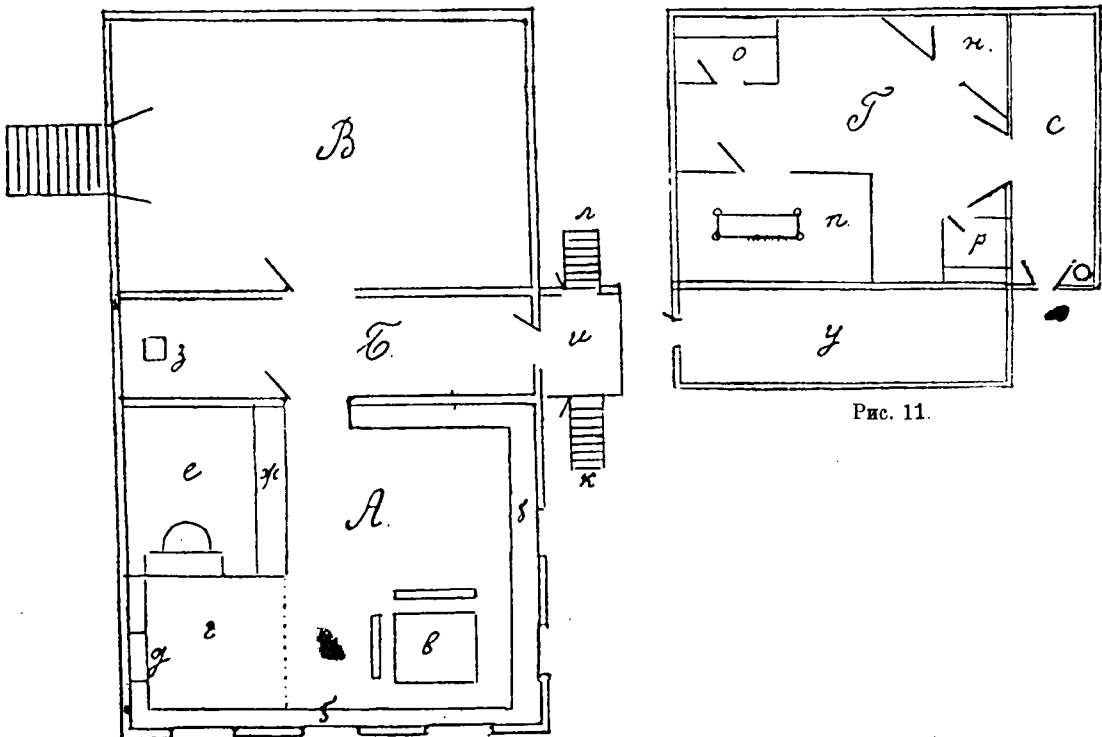

Рис. 11.

Непосредственно къ мосту примыкаетъ стая. Срубъ для стаи дѣлается такъ же, какъ и для избы и крыша у избы, моста и стаи общая. Внизу въ стаѣ, „на назымъ“, помѣщается скоть, вверху-же находится повѣть (повѣть); тутъ „мечется“ сѣно или солома, тутъ же хранять сани, тарантасы и т. п. Отъ моста повѣть отдѣляется стѣной, въ которой на мостъ прорублена дверь.

На той же (или на другой) сторонѣ, гдѣ находится крыльцо, въ стѣнѣ повѣти дѣлаются ворота въ два полотна и отъ нихъ спускъ внизъ—звозъ. Звозъ держится на перекладинахъ, положенныхъ на столбы; на перекладины набираются звозины—бревна, по которымъ въѣзжаютъ на повѣть или спускаются съ нея.

Планъ избы, моста, повѣти и стаи (рис. 11).

А—изба; б—лавки по стѣнамъ; в—столъ; г—мѣсто противъ печи, отдѣленное отъ избы занавѣской; д—посудный шкафъ; е—печь, ж—голубецъ.

Б—мостъ; з—дыра въ полу (отхожее мѣсто); и—площадка крыльца; к—лѣстница на улицу; л—лѣстница въ саникъ.

В—повѣть; м—звозъ.

Г—стая (помѣщается подъ повѣтью); н—помѣщеніе для свиней; о—помѣщеніе для овецъ; п—для коровъ; р—для лошадей; с—саникъ; т—колодезь; у—помѣщеніе подъ мостомъ; тутъ лѣтомъ стоятъ овцы.

Въ скотской стаѣ устраиваются вѣсли (ясли) и отдѣляется помѣщеніе для лошади и свиней. Къ стаѣ пристраивается сбоку саникъ; въ него ведутъ ворота съ улицы, другія изъ него ведутъ въ стаю. Саникъ служитъ для защиты скотнаго двора отъ заноса снѣгомъ и для храненія соломы, дровней, сaney, телѣгъ, какъ и повѣть.

Теперь о внутреннемъ устройствѣ избы.

Когда крыша кончена, внутри избы „обиваютъ коровки“, т. е. обтесываютъ топоромъ круглыя части бревенъ въ стѣнахъ, а потомъ стружатъ ихъ. Затѣмъ, около стѣнъ придѣлываются неподвижныя лавки, надъ ними подъ потолкомъ подѣвошникъ или подѣда.

Важѣйшій-же предметъ въ избѣ есть печь. Устраивается она такимъ образомъ.

Такъ какъ въ томъ углу избы, который предназначенъ для постановки печи и голбца, пола нѣтъ¹⁾, то на края отверстія въ полу кладутся брусья

¹⁾ На первый взглядъ должно казаться страннымъ, почему не пропускаютъ половыхъ тесинъ подъ печку и подъ голбца, тѣмъ болѣе, что толстыя половицы лучше, конечно, выдерживали бы давленіе тяжелой печи, чѣмъ тонкія доски, на которыхъ она устанавливается, но надо принять во вниманіе, что печь съ голбцомъ занимаютъ $\frac{1}{4}$ часть избы, и вмѣсто того, чтобы употребить на полъ 5 деревъ лѣсу,

а и *б* и концы ихъ вдавливаются въ стѣны. На брусъ накладываются поперечныя доски; на нихъ станетъ потомъ накладывать печная глина. На брусъ же ставятся ребромъ доски *в*, *г*, *д* и *е*, *ж*, *з*, скрѣпленные подъ прямымъ угломъ. Онѣ образуютъ двѣ стороны ящика; третью и четвертую стороны представить уже стѣны избы. Этотъ ящикъ зовется опѣчекъ.

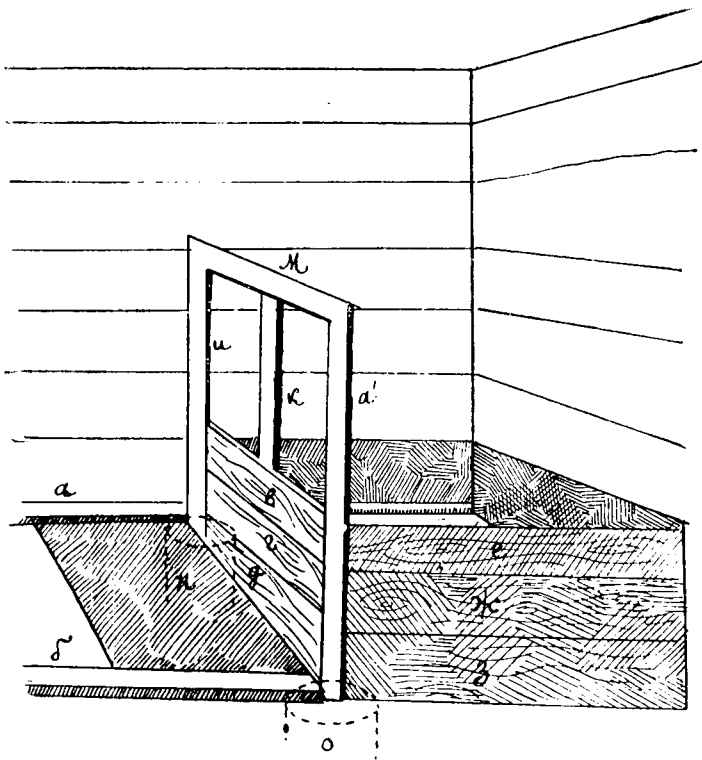

Рис. 12.

У стѣны на уголъ ящика прикрѣпляется брусъ *и*, по срединѣ другой брусъ *к* и на углу столбикъ *а*, упирающійся нижнимъ своимъ концомъ въ брусъ *б*. Сверху эти брусъ и столбикъ соединяются перекладиной *м*. Подъ углы опечка подставляются столбы *н* и *о*, которые вкапываются въ землю (рис. 12).

Вотъ деревянныя части печи. Теперь о кладкѣ глиняныхъ частей.

Глина для печи берется луговая ¹⁾. На доски, лежащія на брусъхъ *а* и *б*, насыпается сперва песокъ, затѣмъ начинаютъ накладывать глину. Ее уколачиваютъ кіями, такими точно деревянными молотками, какіе употребляются

какъ это дѣлается, пришлось бы употребить 10 деревъ, именно 10, а не меньше, какъ опять-таки должно казаться, потому что на устройство пола въ той четвертой части избы, что находится между лицевой стороною печи и противоположной ей стѣною избы, идутъ горбыли, отпиленные отъ тѣхъ тесинъ, которыя составляютъ полъ остальной половины избы.

¹⁾ Съ такихъ луговъ, которые затопляются водою, такъ что это, вѣроятно, не глина, а рѣчной илъ.

для конопатки избы. Когда глина уложена до края опечка, дѣлають свинку. Это два полукруга изъ досокъ, связанныхъ поперечными дощечками, какъ показано на рисункѣ. Свинка ставится на глину, при чемъ поверхность глины будетъ подомъ печи, сама-же свинка отграничитъ чело и сводъ печи. Когда свинка установлена на своемъ мѣстѣ, ее начинаютъ обкладывать глиною; при этомъ, въ глину рядами вбиваютъ булыжный камень, такъ что получается рядъ камней, на немъ слой глины, опять рядъ камней и новый слой глины. Камни въ этомъ случаѣ служатъ не столько для скрѣпленія глины, сколько для удержанія жара въ толщѣ печи. Для скрѣпленія же глины собственно служить растопленная смола, которая наливается послѣ каждого ряда (или черезъ рядъ) камней.

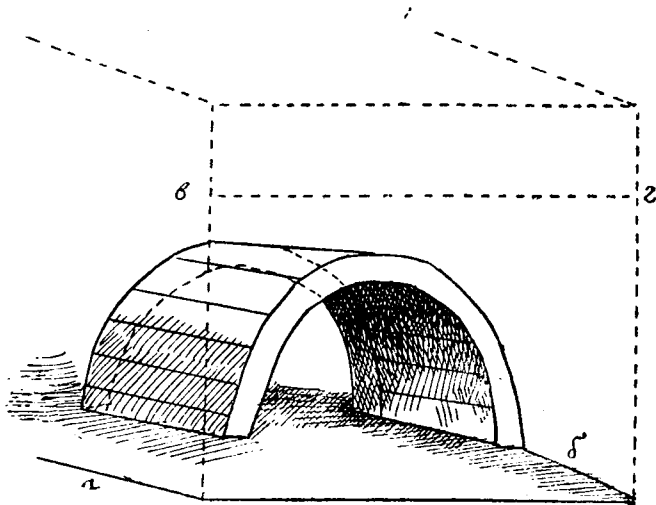

Рис. 13.

Когда кладка печи кончена, свинку вынимають вонъ, а иногда и оставляють; въ такомъ случаѣ, она, разумѣется, сгораетъ, когда стануть топить печь. По линіямъ *а* и *б* выводятъ глиняныя стѣнки, верхняя же часть печи выдается надъ устьемъ впередъ вровень съ шесткомъ и укрѣпляется поперечнымъ брусомъ или желѣзной полосой, идущей по линіи *в—г* (рис. 13).

Шестокъ дѣлается глиняный, но иногда и кирпичный. Въ боку печи оставляють полукруглыя впадины—печурки, въ которыхъ потомъ сушатъ рукавицы или что иное.

Въ опечкѣ, на уровнѣ пола, дѣлается квадратное отверстіе, ведущее подъ печку; это помѣщеніе зовется засѣдкой; въ немъ держать куръ въ зимнее время.

Труба выводится всегда прямая, т. е. безъ колѣнъ, надъ печнымъ устьемъ—глиняная или кирпичная; зовется она трубкой. Повьше печи въ трубкѣ дѣлается выемка, гдѣ вкладывается чугунное горло, закрываемое двумя

вьюшками. Выемка прикрывается приставной (а не на петляхъ) заслоночкой. Для трубки въ потолокъ и въ крышѣ прорубается дыра и труба сверху не защищается кровелькой, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ заключеніе вся печь бѣлится мѣломъ, разболтаннымъ въ молокѣ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ углового столба опечка укрѣпляется другой столбъ, и отъ него идутъ, параллельно полу и опечку съ одной стороны и параллельно стѣнѣ избы съ другой, тесинки, образующія стѣнки голбца; сверху голбецъ тоже забирается тесомъ, а съ лицевой стороны въ стѣнкѣ дѣлается дверца, отъ которой лѣстница ведетъ въ подполье, т. е. въ пространство подъ избой, которое и есть собственно настоящій голбецъ. Съ другой стороны дѣлается приступочекъ изъ двухъ ступеней, по которымъ входятъ на голбецъ и съ него на печь и влѣзаютъ на полати.

Обстановка избы, какъ и повсюду въ Великороссіи: по стѣнамъ лавки надъ ними полавовникъ, въ углу образа, подъ ними обѣденный столъ и около него скамейки. Къ стѣнѣ около печи приколачивается полочка, называемая наблюдникомъ; на нее ставятся тарелки, блюда и ставцы, кладутся ножи и вилки. Иногда у той же стѣны шкапъ для посуды. Надъ входной дверью, между голбцомъ и стѣной находятся полати. Съ печи на полати кладется иногда доска (или двѣ), называемая ливницей, гдѣ бабы садятся прясть, когда внизу холодно и мужики вяжутъ столбы, т. е. сѣти для ловли рыбы.

Перехожу теперь къ описанію хозяйственныхъ построекъ: погреба, амбара, овина и бани.

Погребъ (рис. 14).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее спускается срубъ рядовъ въ 12 бревенъ. Образуется подземный ящикъ *а, б, в, г*. Надъ срубомъ дѣлается потолокъ изъ бревенъ *а, г*. На этотъ потолокъ насыпается толстый слой песку, а надъ нимъ накатывается другой рядъ бревенъ *д, е*, служащій поломъ для верхняго помѣщенія. Разстояніе между накатами *а, г* и *д, е* не болѣе четверти. На полъ *д, е* песку не насыпается.

Поверхъ земли на нижній срубъ ставится другой, *д, е, ж, з*, рядовъ въ 13 бревенъ; на него настиляется потолокъ *ж, з*, тоже засыпаемый пескомъ, а сверху крыша на два ската, безъ стропилъ; она держится лишь на двухъ повалахъ. Дверь *и* ведетъ съ улицы въ верхнее помѣщеніе. Въ полу *д, е* и въ потолокъ нижняго помѣщенія *а, г* прорубаются квадратныя отверстія, черезъ которыя по лѣсенкѣ *к* попадаютъ въ нижнее помѣщеніе. Въ

отверстія потолка *а*, *г* вставляется ставень и на него обыкновенно наваливается сѣно, для того, чтобы тепло не проникало сверху въ нижній этажъ погреба. Подъ дверью *и* прорубается окошечко такой величины, чтобы въ него могла пролѣзть кошка, но вообще оконъ въ погребѣ нѣтъ.

Когда зданіе готово, въ нижнее помѣщеніе мечется снѣгъ (ледъ никогда не кладется) и утаптывается ногами. Снѣгу наметывается столько, что пространство

между нимъ и поломъ остается ряда въ 4 бревенъ.

Въ „ямѣ“, т. е. на снѣгу, хранятъ картошку „и все ѣдобное“, въ верхнемъ же помѣщеніи муку и проч.

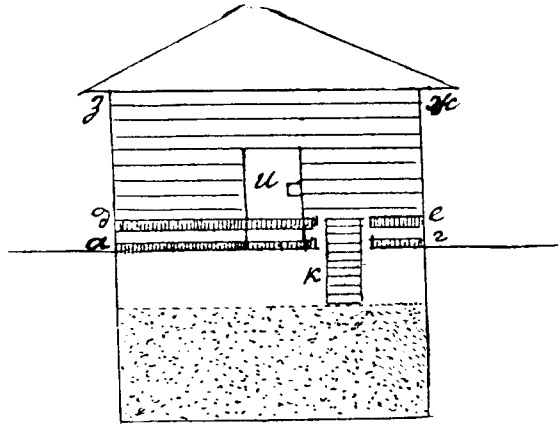

Рис. 14.

Амбаръ.

Амбарный срубъ въ 13 бревенъ устанавливается на подстолбкахъ, крыша обыкновенная. Дверь въ амбаръ ordinaria; оконъ не прорубаютъ. Внутри по стѣнамъ сусѣки съ крышками; въ нихъ хранятъ хлѣбъ въ зернѣ: рожь, ячмень, овесъ, пшеницу.

Овинъ (рис. 15).

Въ землѣ выкапывается яма и въ нее опускается срубъ рядовъ въ 13 бревенъ *а*, *б*, *в*, *г*, поверхъ-же земли на него ставится другой срубъ рядовъ въ 10. Срубъ этотъ перегороденъ поперекъ стѣною *д*, *е*. Потолокъ надъ нижнимъ срубомъ накатывается вровень съ землей лишь до стѣны *д*, *е* и на него наваливаютъ слой глины вершка въ два. Потолокъ не докладывается до стѣнъ *а*, *д* и *б*, *е*, такъ что образуются щели, называемыя пазухами *ж*, *з*. Поперекъ потолочныхъ бревенъ отъ стѣны до стѣны укрѣпляются концами въ стѣны два бревна *и* и *к*, на разстояніи отъ потолка въ 1 арш., называемыя колосниками. Въ одной стѣнѣ прорубается дверца *л*, такой величины, чтобы человѣкъ могъ войти въ нее согнувшись. Вдоль потолочныхъ бревенъ укладываются вплотную жерди; концами своими онѣ лежатъ на колосникахъ. Жерди эти зовутся перекладинами. Потолка надъ

верхнимъ помѣщеніемъ овина не дѣлають, а прямо крышу, которая держится на двухъ повалахъ.

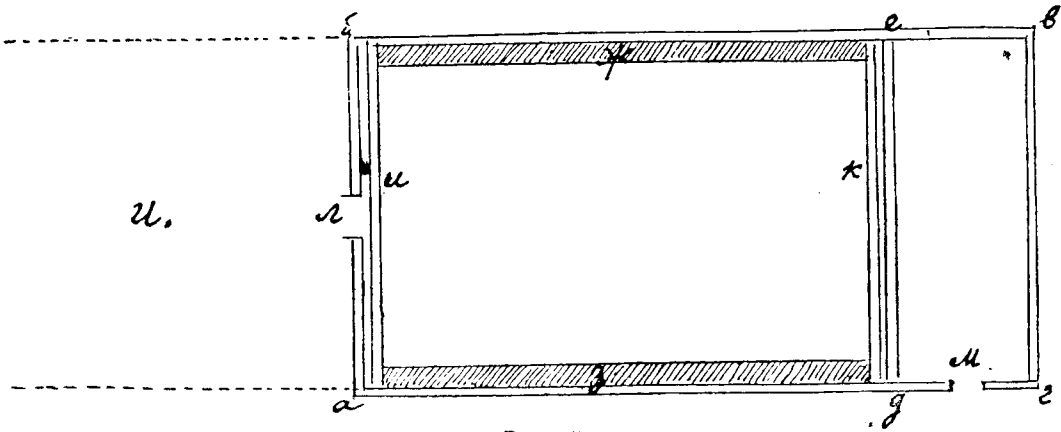

Рис. 15.

За стѣной *д, е* часть верхняго и нижняго срубовъ остается свободною, шириной она аршина полтора. Такъ какъ овинная яма подъ этимъ срубомъ продолжается до стѣны *г в*, то стѣна *д е*, такъ сказать, виситъ на воздухѣ надъ ямой. Помѣщеніе *д е в г* называется подлазомъ и, чтобы изъ этого подлаза проникнуть въ самый овинъ, приходится пролѣзть подъ стѣною *д е*. Съ одной стороны въ подлазѣ прорубается отверстіе *м*, въ которое и пролѣзають съ улицы, а въ яму спускаются по жердочкамъ, называемымъ ступенями; концы ихъ упираются въ стѣну *г в* съ одной стороны и въ стѣну *д е* съ другой.

Проникнувъ изъ подлаза въ яму подъ овиномъ, человѣкъ разводитъ на днѣ этой ямы тѣплинку изъ дровъ, причемъ жаръ проникаетъ въ овинъ черезъ пазухи, а дымъ выходитъ на улицу просто сквозь крышу.

Снопы впахиваетъ въ овинъ черезъ отверстіе *л* одинъ человѣкъ, тогда какъ другой принимаетъ ихъ въ овинѣ и садитъ на жерди. Когда овинъ „насаженъ“, то снаружи черезъ отверстіе *л* захпивается въ снопы рожень—тонкій шестикъ, и оставляется въ снопахъ. Выдергивая по временамъ рожень, человѣкъ ощупываетъ его, холоденъ онъ, или тепелъ. Если холоденъ, это значитъ хлѣбъ еще не высохъ, если тепелъ, то снопы выбрасываются на гумно, которое помѣщается тутъ же, рядомъ съ овиномъ—*и*.

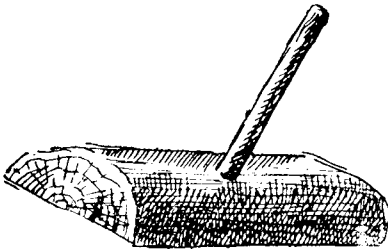

Рис. 16.

Гумно устраивается на открытомъ воздухѣ и дѣлается такъ: съ земли едирается мурагъ, т. е. трава съ корнями, дернъ, и земля утрамбовывается трамбовкой, которая состоитъ изъ половины чурки; въ выпуклую часть чурки вставлена ручка

(см. рис. 16). Снопы разносятся по гумну и стелятся посѣдомъ, т. е. въ два ряда, вершина къ вершинѣ. Затѣмъ ихъ начинаютъ молотить молотилами.

Молотило дѣлается такъ. Берутъ палку и въ одномъ концѣ просверливаютъ дыру *а* (см. рис. 17.) около четверти длины, а сбоку вкось другую, *б*, такъ что образуется каналъ *а б*. Палка эта зовется кадочкой; она аршина два длиною. Вершина кадочки, т. е. тотъ конецъ ея, гдѣ просверлена дыра, обтягивается бараньей мошной (мошонкой). Мошня натягивается сырою или когда высохнетъ, то обляжетъ кадочку столь плотно, что ее не снять ножомъ. Дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы кадочка не раскололась.

Въ каналъ пропускается пучёкъ, т. е. кусокъ кожи, который высовывается изъ обоихъ отверстій канала. Часть кожи, выходящая наружу въ отверстіи *б*, протыкается ножомъ и въ нее продѣвается клѣчикъ, т. е. палочка, которая не позволяетъ кожѣ выдернуться. Часть кожи въ отверстіи *а* длиннѣе и въ нее тоже втыкается клѣчикъ.

Берется другая палка съ аршинъ длиной и на концѣ ея дѣлается косою срѣзъ (см. рис. 18). Къ этому срѣзу прикладывается отъ кадочки кусокъ кожи *д* и привязывается крѣпко веревкой. Эта вторая палка зовется бадогъ. Кадочку берутъ въ руки, а бадогомъ ударяютъ по снопамъ.

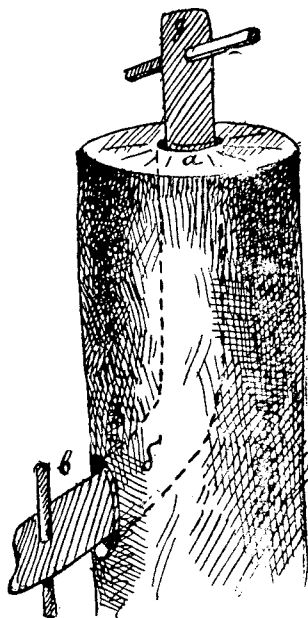

Рис. 17.

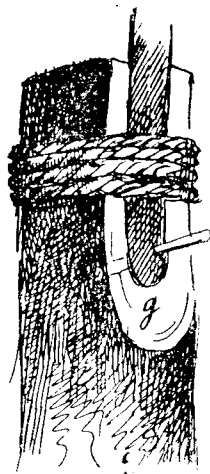

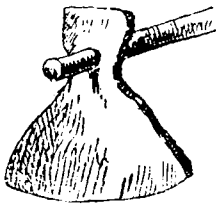
Рис. 18.

Баня.

Въ землѣ выкапывается яма и надъ ней ставится срубъ, такой же, какъ для амбара или погреба. Надъ ямой настилается полъ изъ тесу съ просверленными въ немъ дырками. Въ двухъ стѣнахъ прорубаются маленькія оконца безъ рамъ, они задвигаются ставенькой. У стѣнъ лавки и полокъ. Къ банѣ сбоку пристраиваются сѣнцы для раздѣванья. Печь складывается изъ дикихъ камней безъ цемента; трубы она не имѣетъ. Воду для мытья нагрѣваютъ въ шайкахъ калеными камнями. Моются мыломъ (щелокъ не употребляется) и парятся березовыми вѣниками. Послѣ мытья, тѣла ничѣмъ не вытираютъ.

Хлѣбопашество.

Если участокъ, предназначенный для воздѣлыванія на немъ хлѣба—лѣсной, то лѣсъ вырубаютъ на дрова или на постройку, остающееся „пень“ постоятъ лѣта два, затѣмъ его окапываютъ лопатою или копачемъ (см. рис. 19),

выворачиваютъ, складываютъ въ кучу и весною сжигаютъ. Послѣ этого орутъ землю сохой, потомъ боронятъ. Затѣмъ земля парится недѣли 2 — 3, послѣ чего ее снова орутъ и боронятъ и оставляютъ до осени. Осенью опять заорутъ и посѣютъ рожь.

Рис. 19.

Сѣютъ рожь изъ сита. Сѣющий беретъ зѣрна въ горсть и хлопаетъ обѣ обичку, зерна и разлетаются ровно.

Новъ не лѣсную, а полевою, открытую, орутъ въ концѣ мая, именно четыре раза, затѣмъ унаваживаютъ, снова орутъ, чтобы завалить навозъ, боронятъ и оставляютъ до весны. Весной разъ взорутъ, подождутъ дня три, четыре и сѣютъ всякій хлѣбъ, кромѣ ржи.

Если поле было уже засѣяно прошлымъ лѣтомъ, то весной „послѣ Миколы“ (9 мая) землю взорутъ сохой и тотчасъ же сѣютъ ячмень или овесъ, смотря по грунту: если грунтъ глинистый, то ячмень, если песчаный, то овесъ. Сѣмена овса и ячменя сѣются или свои, или покупные—въ Устюгѣ, Красноборскѣ или Сольвычегодскѣ.

Проба сѣмянъ дѣлается въ избѣ: въ ольховомъ корытцѣ, называемомъ ростѣла, бородкой топора вырубаются ямочки и въ нихъ закладываются зерна, примѣрно по 10 штукъ овса, ячменя, пшеницы или льна. Земли въ ямочки не кладется. Зерна поливаются водою и прорастаютъ. Дѣлается это для того, собственно, чтобы узнать процентъ всхожести.

Ячмень вообще сѣется весной. Сперва землю заорутъ, потомъ посѣютъ, заборонятъ и оставляютъ сутки на 2—3, наконецъ дѣлятъ, т. е. вторично боронятъ, и такъ поле остается до жатвы.

Овесъ, какъ уже сказано, не сѣютъ на глину, какъ прочіе хлѣба, а больше на песокъ и боронятъ одинъ разъ.

Пшеница—какъ и ячмень.

Ленъ. Землю заорутъ, заборонятъ и сѣютъ. Въ лукошко, изъ котораго сѣютъ, кладутъ вареное яйцо и его сѣждаетъ тотъ, кто сѣялъ. Боронятъ вторично, какъ и ячмень. Ленъ рвутъ, а не дергаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Конопля. Землю заорутъ два раза, навозятъ назыму, снова заорутъ и сѣютъ, потомъ боронятъ одинъ разъ. Когда созрѣетъ, рвутъ и ставятъ въ

кучи, изъ кучь бруснуть, т. е. обрываютъ куглину—вершинки съ сѣмечками, и бросаютъ въ кадки. Стебли вяжутъ въ снопы и опускаютъ въ озеро мочить. Когда вымокнетъ, развѣшиваютъ на огорождѣ на колья, чтобы вывѣтрило. Потомъ кладутъ сушить въ баню, затѣмъ мнутъ мялкой, какъ и ленъ, треплютъ трепаломъ и прядутъ.

Конопляное сѣмя изъ кадки вываливаютъ на печь сушить. Когда сѣмя выйдетъ изъ оболочки, его очищаютъ, куглину бросаютъ въ огонь, а сѣмя сыпаютъ въ лагунъ и ставятъ въ амбаръ. Сѣмя это частью продаютъ, частью ѣдятъ сами (льняное-же, „хотя оно и сладкое, не ѣдятъ, единственно потому, что отъ него заводятся вши“): толкутъ въ ступкѣ, варятъ и наливаютъ на шаньги, также пекутъ съ нимъ пироги, наконецъ варятъ его въ горшкѣ съ сушеными грибами.

Горохъ, прежде чѣмъ сѣять, мочатъ сутки двои. Землю заорутъ и сѣютъ, боронятъ одинъ разъ. Когда поспѣетъ, рвутъ, везутъ на гумно и вѣсятъ на жерди сохнуть. Когда высохнутъ, досушиваютъ въ овинѣ и молотятъ; трава идетъ въ кормъ скоту.

Рѣпа. Землю заорутъ, черезъ мѣсяцъ навозятъ наѣму и снова орутъ, заборонятъ, сѣютъ, перемѣшавъ сѣмя съ пескомъ, и послѣ посѣва землю боронятъ еще разъ.

Когда рѣпа поспѣла, ее обрѣзываютъ тутъ-же на рѣпищѣ, кладутъ въ мѣшки, увозятъ домой и прячутъ въ „яму“, т. е. въ погребъ.

Ячмень „опихиваютъ“ въ кадкахъ желѣзными лопатами (онѣ зовутся заступами), именно тычутъ въ зерно, отъ чего кожица съ него слѣзаетъ. Кожица эта зовется вопшиной и идетъ въ кормъ овцамъ, обвареная кипяткомъ. Зерно отъ вопшины отдѣляется просѣваніемъ черезъ рѣшето. Затѣмъ, его сыпаютъ въ мѣшокъ и везутъ на мельницу молотъ. Получается ясная мука. Изъ нея пекутъ ярушники, колобки, блины. Такъ же опихивается и овесъ.

Чтобы узнать, вызрѣла ли рожь, колосокъ (на корню) сжимаютъ въ пальцахъ и, если зернышки раздавливаются, то они не созрѣли, если же вѣршки, то готовы. Или же приносятъ колосья въ избу и, давъ имъ полежать, наблюдаютъ, усохнетъ зерно, или нѣтъ. Если усохло и сморщилось—неготово, если остается, какъ есть—готово.

Время жатвы ржи зависитъ отъ того, каково было лѣто. Такъ, въ 1897 г. жатва началась вскорѣ послѣ Петрова дня, бываетъ же, что начинаютъ жатву и послѣ Ильина дня (т. е. разница почти въ мѣсяцъ). Ячмень всегда поспѣваетъ послѣ ржи, пшеница послѣ ячменя, овесъ же послѣднимъ; жатва его бываетъ въ сентябрѣ, иногда затягивается до Покрова.

Червобоя никогда не замѣчалось; мышей тоже нѣтъ; рожковъ (спорыньи) на хлѣбныхъ колосьяхъ не видали.

Жнутъ хлѣбъ черпѣми. Черпы (серпы) дѣлаются дома, иногда покупаются готовыми въ городахъ. Черпъ „аглицкой“ стали стоитъ 60—65 к. Жнутъ всегда бабы; мужики никогда не жнутъ, такъ же точно, какъ бабы никогда не косятъ.

Хлѣбъ вяжется въ снопы, потомъ ставится въ суслоны, по 6 сноповъ въ каждомъ, т. е. пять въ кучу и шестой клубу́къ—покровный снопъ.

Стоять снопы на мѣстѣ дня 3—4 и увозятся на гумно, гдѣ ставятся въ кладуху. Кладуха дѣлается такъ: на землю кладутся чурки, на нихъ жерди, а на жерди снопы, колосьями вмѣстѣ, а комлями врозь, третій же снопъ поперекъ, такъ что онъ прижимаетъ собою колосья нижнихъ сноповъ. Рядомъ кладутся другіе два снопа, на нихъ третій и т. д. Въ землю втыкаются остроги—еловыя жерди съ необрубленными сучьями. Снопы помѣщаются между острогами, тамъ что сучья не позволяютъ снопамъ ложиться вплотную, между снопами остаются продухи, гдѣ можетъ свободно циркулировать воздухъ.

Кладухи кроются соломой, которая прижимается жердями, съ боковъ же ставятся подпоры, какъ и къ копнамъ сѣна, но тутъ ихъ больше.

Въ кладухахъ снопы остаются до молоченья, но прежде чѣмъ молотить, ихъ сунать въ овинѣ, о чемъ уже было сказано.

Послѣ молоченья обыкновенно тотчасъ же и вѣютъ, т. е. просто, при боковомъ вѣтрѣ, подбрасываютъ зерно на лопатѣ, при чемъ вѣтеръ относитъ мякину и соръ въ сторону, а зерно падаетъ на землю. Когда все провѣяно, зерно сгребаютъ въ груды пѣхаломъ, которое состоитъ изъ головки, отпиленной отъ старыхъ дровней (см. ниже) со вставленной въ край ея палкой, служащей ручкой. Изъ груды зерно перекадывается лопатою въ мѣшокъ и убирается въ амбаръ.

Мелютъ хлѣбныя зерна исключительно на водяныхъ мельницахъ; вѣтряныя въ описываемой мною мѣстности вовсе не ставятся.

Уборка сѣна.

Сѣнокосъ открывается въ періодъ съ Петрова дня до Ильина. Луга дѣлятся пополюсно, сколько придется на душу саженой; для отмѣтокъ ставятся тѣчки, т. е. втыкаются въ землю палочки.

Косы употребляются исключительно горбуши; стойкой здѣсь косить нельзя, такъ какъ густота и высота травы этого не позволяютъ. Косы выковываются домашними кузнецами и стоимость одной штуки отъ 40—60 коп. Коса (см.

рис. 20) вколачивается въ ручку, называемую косьёмъ, при чемъ полоска листового желѣза, зовущаяся саргой, обвивается вокругъ косы въ томъ мѣстѣ, гдѣ она входитъ въ косьё. Кромѣ того, между саргой и ручкой вгоняется клинъ, для того, чтобы коса не расшатывалась.

Къ косѣ принадлежитъ лопатка—деревянная дощечка, покрытая смолой, на которую насыпанъ песокъ. На лопаткѣ лопатятъ косу, т. е. подвостраютъ, когда она затупится отъ работы. Если коса во время работы изогнется, то для выпрямленія ея употребляется правило, т. е. деревянная чурочка съ вставленной въ нее ручкой (см. рис. 21). Въ чурочкѣ выпиlena выемка, въ которую вкладывается коса и выпрямляется движеніемъ чурки.

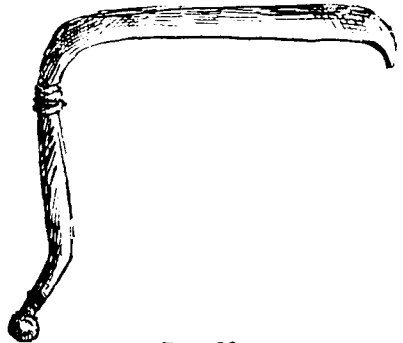

Рис. 20.

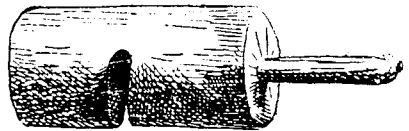

Рис. 21.

Когда опредѣленная полоса травы скошена, сѣно оставляется лежать для просушки. Затѣмъ, являются бабы и ворошатъ его граблями. Когда увидятъ, что сѣно достаточно просохло, его сгребаютъ въ видѣ вала вдоль по полосѣ и, наконецъ, копнютъ въ копны. Черезъ нѣкоторое время копны отвозятся въ остоужье, т. е. въ то мѣсто, гдѣ ихъ станутъ метать въ большую копну. Здѣсь предварительно въ землю втыкается жердь и вокругъ ея въ углы квадрата четыре кола. Эти жердь и колья зовутся стожарами. На землю между стожарами накладываются вицы, для того, чтобы сѣно не лежало на самой землѣ.

Маленькія копны везутъ съ дуга не въ телѣгѣ, а охватываютъ веревкой, веревку эту привязываютъ къ хомуту или къ шлѣѣ лошади и лошадь волочетъ сѣно по землѣ до мѣста.

Здѣсь сѣно начинаютъ метать вилами на стожары. Когда копна достигла извѣстной высоты, съ боковъ къ ней подставляются подпоры, т. е. колья, аршина по полтора длиной. Подпоры эти служатъ не столько для укрѣпленія копны, сколько для того, чтобы немного приподнять сѣно, которое бываетъ въ это время нѣсколько въ-дсырь, т. е. сыровато, и давать воздуху доступъ внутрь копны.

Когда одному человѣку станетъ высоко метать, то другой влѣзаетъ на копну и равняетъ ее сверху, нижній же подаетъ сѣно вилами и такъ, пока не завершатъ. Когда завершено, на макушку копны кладутся крестообразно паръ пять вицъ, вершины которыхъ связаны вмѣстѣ, а концы опускаются по копнѣ внизъ; это дѣлается для того, чтобы сѣно не обивало вѣтромъ. Затѣмъ,

человѣку, стоящему на копнѣ, бросается конецъ веревки и онъ спускается по этой веревкѣ съ копны на землю, тогда какъ другой конецъ веревки держитъ его товарищъ, стоящій у противоположной стороны копны. Надо замѣтить, что высота копны достигаетъ двухъ сажень.

Кромѣ копенъ, сѣно мечется въ зароды. (рис. 22). Для зарода стожары ставятся по одной линіи до 10 штукъ, тоже подкладываются вицы, и сѣно мечется какъ въ копну. Съ боковъ ставятся тоже подпоры и наверхъ кладутся вицы, но не крестомъ, а перекидываются черезъ зародъ на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

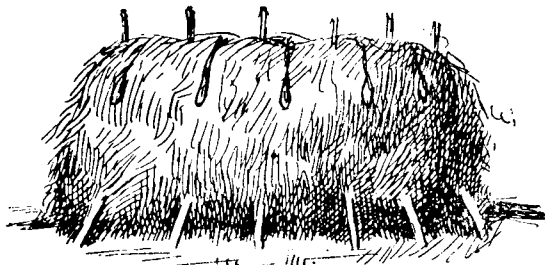

Рис. 22.

Копны и зароды огораживаются „жердьемъ“ или „кѹстыма“, т. е. кольями, переплетенными вицами.

Наконецъ ставятся еще такъ называемые облитники, огромные зароды, но уже не вдали отъ деревни, а во 100 саженьхъ отъ нея. Подъ облитникъ на землю кладутся уже не вицы, а бревна, цѣлымъ костромъ, клѣтками, рядовъ въ 5—6; эти подставы зовутся вымостами; высота вымостовъ зависитъ отъ того, какъ высоко будетъ на этомъ мѣстѣ весенняя вода (что знаютъ приблизительно). Ширина облитника отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ сажени, высота $2\frac{1}{2}$ —3 саж. Облитники кроются ржаной соломой, по соломѣ вдоль облитника кладутся жерди и прикрѣпляются роженками, т. е. заостренными палочками, втыкаемыми въ облитникъ.

Облитники остаются на мѣстѣ до слѣдующаго года. Это сѣно, такъ сказать, лишнее, на него нѣтъ покупателя. Когда сѣно вздорожаетъ, оно и продается изъ облитника съ выгодой.

Въ копнѣ считаютъ сѣна возовъ пять, въ зародѣ 50, въ облитникѣ 150—200—300, возъ-же вѣситъ 25—30 пудовъ.

Уходъ за лошадыю.

Лошадей воспитываютъ сами или покупаютъ. Самая дешевая рабочая лошадь рублей 10, но иногда цѣна эта поднимается и до 40 р. Жеребцовъ держатъ на свободѣ, т. е. не употребляютъ въ работу до 4-хъ лѣтъ, „кладутъ“ ихъ на 3-мъ году, „нелегченныхъ“ же не держатъ (т. е. долѣе 3-го года). Лошадь можетъ работать до 25 лѣтъ, тутъ ее обыкновенно продаютъ пріѣзжимъ татарамъ, которые, заплативъ за животное рубля $1\frac{1}{2}$ —2, снимаютъ съ него шкуру, трупъ-же оставляютъ на острову, гдѣ его ободрали.

Когда у хозяина околѣетъ любимая лошадь, то на нее надѣваютъ узду и хомутъ, взваливаютъ на дровни (хотя бы дѣло было лѣтомъ) и отвозятъ куда нибудь на лугъ. Здѣсь выкапываютъ яму и опускаютъ въ нее лошадь, такъ, чтобы она легла на бокъ, затѣмъ зарываютъ и насыпаютъ бугоръ земли, на бугоръ же кладутъ дровни полозьями вверхъ. „Дровни хоть того лучше вывези, никто не потронетъ“.

Обыкновенная-же лошадь, если она околѣетъ зимою, отвозится куда нибудь на озеро или на рѣку и оставляется на льду, а лѣтомъ трупъ просто спускаютъ въ воду.

• Пастуховъ для пастьбы скота и лошадей никогда не нанимаютъ; животные пасутся въ паскотинахъ, въ лѣсѣ-же ихъ не отпускаютъ.

У лошади бываютъ болѣзни:

Нѣкотъ—когда лошадь „одуетъ“, т. е. брюхо у нея распухнетъ. Чтобы вылечить—„шѣркаютъ“ (т. е. трутъ) брюхо вязовою дугой.

Возгоръ—„сопли идутъ изъ ноздрей, отъ того, что съ осени худо кормлена“. Чтобы вылѣчить, толкутъ горячую сѣру и мѣшаютъ въ заварку; затѣмъ ѣздятъ на лошади шибко, чтобы ее согрѣть. Кромѣ того, окуриваютъ еловыми иглами, дегтемъ и горячею сѣрой.

Ископытъ—лошадь ископыталась, захромала „отъ того, что дыру за копытомъ, свищи дѣлаетъ какая-то звѣрина. Чтобы вылѣчить, льютъ въ рану керосину, и шоптунъ шопчетъ на воду и воду льютъ въ рану“.

Ящуръ—„когда языкъ ѣстъ; языкъ натираютъ солью“.

Обурѣчена бываетъ лошадь (или корова), когда кто похвалитъ животное съ тайною завистью. „Тогда идутъ къ шоптуну шоптать на уроки“.

Волоскѣ—когда лошадь долго стоитъ въ грязи, въ назымѣ, то въ ноги ей проникаютъ червячки, имѣющіе видъ волоска. Выводятъ шоптуны. „Шоптунъ вопчѣ лучше фершала, потому что знаетъ по етой части, да и фершалъ земскій проѣзжаетъ разъ въ годъ, а то и въ годъ не проѣзжаетъ“.

„Если скотину съ осени не закормятъ (т. е. не дадутъ ей нажить тѣла, такъ, чтобы она легче могла перенести скудость питанія въ случаѣ недостатка корма), то за кожей и появятся мокрецы—черви такіе. Когда кобыла ожеребится, и молоко у ней не продоятъ и жеребенку дадутъ напиться сырова, тогда жеребенокъ возгораетъ и возгоръ его задавить“.

Холостятъ жеребцовъ свои, деревенскіе коновалы. У жеребца подтянуть переднюю ногу къ брюху, и онъ упадетъ. Тогда мошонку завязываютъ, „чтобы яички не утянуло на нутро“, затѣмъ разрѣзываютъ и вынимаютъ яички. Яички эти коновалъ беретъ себѣ (для чего—неизвѣстно), потомъ подсыпаетъ „зелени“ (купоросу?), чтобы рана не загнивалась и заговариваетъ, такъ что кровь не течетъ. Живетъ коновалъ при жеребцѣ сутки трои и наблю-

даетъ за нимъ. Въ это время мнутъ жеребца, т. е. проѣзжаютъ его. Черезъ трои сутки все заживаетъ.

За холощенье коноваль беретъ три рубля, полотенце и четверть водки.

Домашняя обстановка, женскія работы.

Отопление печи производится дровами сосновыми и еловыми, рѣдко березовыми; ольховыя идутъ только въ овины.

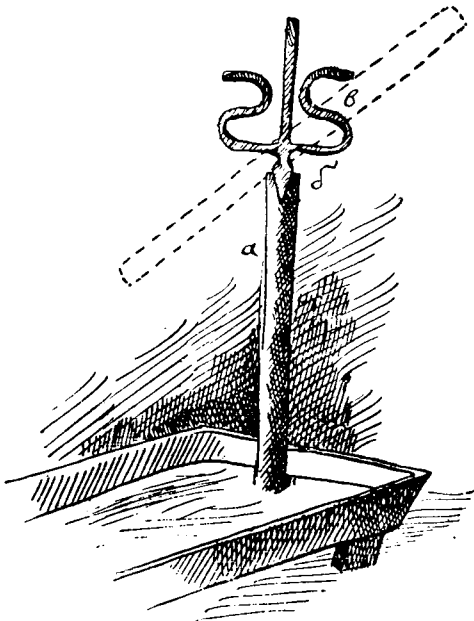

Рис. 23.

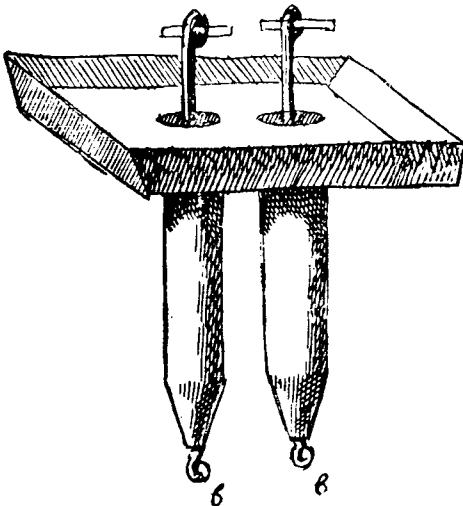

Рис. 24.

Для освѣщенія керосинъ. не употребляется, лампъ нѣтъ; жгутъ березовую лучину, березовую потому именно, что она горитъ ярко и не падить.

Лучина помѣщается въ свѣтильно. Свѣтильно состоитъ изъ корытца, выдолбленнаго изъ сосноваго дерева, на ножкахъ (см. рис. 23). Въ одномъ концѣ въ дно корытца вдолбленъ брусочекъ *а*; въ вершину его вставлена желѣзная лопатка *б*, оканчивающаяся шпилькомъ съ двумя желѣзными крючками по сторонамъ. Лучина вдѣвается въ петлю *в* въ наклонномъ положеніи и зажигается; угли отъ нея падаютъ въ корытце, куда наливается вода.

Кромѣ лучины употребляются и свѣчи, которые льются дома изъ „скотиннаго“ сала (т. е. отъ быковъ и коровъ; баранье не идетъ въ дѣло, такъ какъ употребляется въ пищу вмѣсто масла).

Свѣчи льются въ формахъ, называемыхъ левками. Левокъ состоитъ изъ жестяного ящичка *а* (см. рис. 24), въ днѣ котораго сдѣланы два отверстія такого діаметра, какого должна быть свѣча. Къ этимъ отверстіямъ припаиваются жестя-

ныя же дудки б, оканчивающіяся конусами съ отверстиями въ вершинахъ. Изъ кудели, скрученной въ жгутикъ, дѣлается свѣтильно, пропускается въ дудки и внизу завязывается узломъ в, затѣмъ натягивается и сверху укрѣпляется клечиками г. Растопленное сало наливается въ левокъ, проходить въ дудки и наполняетъ ихъ. Для скорѣйшаго застыванія свѣчъ, дудки опускаются въ снѣгъ, а лѣвомъ въ воду.

Свѣчи вставляются въ подсвишникъ и въ хвонарь. Подсвѣчникъ (рис. 25) вырѣзывается изъ жести или изъ желѣза. Ко дну его припаивается спиральная полоска, въ которую и вставляется свѣчка. По мѣрѣ сгоранія, послѣдняя подвигается кверху жестянымъ кружечкомъ.

Фонарь (рис. 26) дѣлается изъ дерева. Въ тристѣннико вставляется по стеклу, въ четвертой находится дверца. Ко дну фонаря приколотень жестяной под-

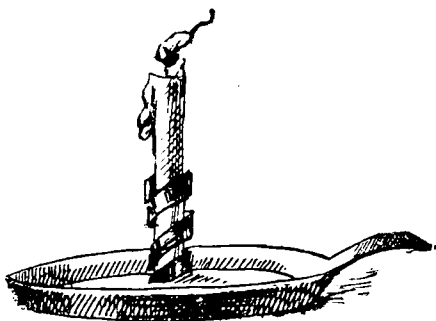

Рис. 25.

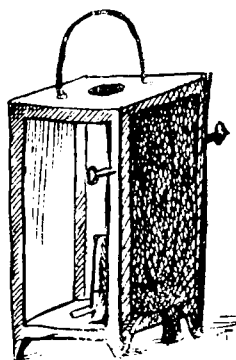

Рис. 26.

свѣчникъ, въ крышѣ отверстіе для прохода воздуха, тутъ же привѣрѣпляется ручка изъ проволоки. Дверца бываетъ или подъемная, или же ходитъ на двухъ гвоздикахъ, вбитыхъ въ переднюю рамку фонаря.

Огонь добывается сѣрными спичками или же огнивомъ и кремнемъ съ пережженой тряпкой или трутомъ изъ березовой губки.

„Деревянный огонь“, т. е. посредствомъ тренія, добывается лишь въ случаѣ появленія повальной болѣзни на людяхъ, по повѣрью, что въ томъ домѣ, гдѣ хранится такой огонь, не появится болѣзнь.

Добываніе огня (рис. 27) происходитъ такъ: въ двухъ лежащихъ ря-

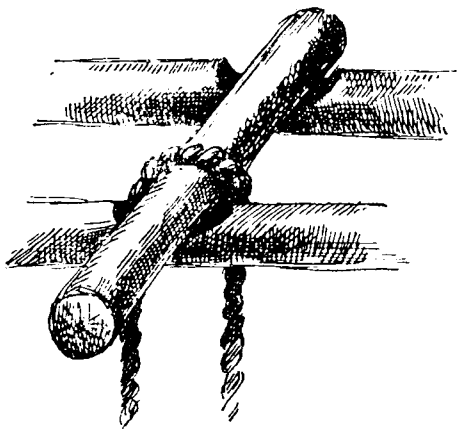

Рис. 27.

домъ грядкахъ ¹⁾ дѣлаются зарубки *а* и *б*, а въ зарубки, поперекъ грядокъ кладется березовая чурочка *в*; черезъ чурочку перекидывается веревка, которую и начинаютъ дергать взадъ и впередъ съ силою двое стоящихъ внизу людей. Отъ тренія чурочки о грядки, послѣднія загараются огнемъ. Отъ этого огня зажигаютъ лучину, а отъ лучины угли, и эти горящіе угли хранятъ въ печной загнетѣ.

Самый важный бабій инструментъ есть прѣснеце, т. е. прялка (рис. 29). Дѣлается онъ совершенно первобытнымъ способомъ. Въ лѣсу выбирается подходящая

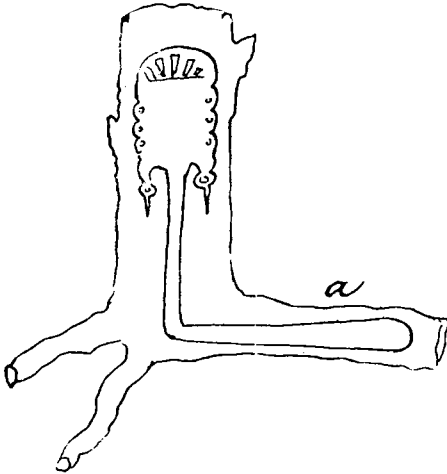

Рис. 28.

ель, у которой одинъ изъ побочныхъ корней росъ бы подъ прямымъ угломъ къ древесному стволу, какъ показано на рисункѣ 28. Ель срубается на такой высотѣ, какой высоты должна быть прялка, затѣмъ обрубаются всѣ корни, кромѣ корня *а*, пень начинаютъ обтесывать, также и корень и превращать ихъ понемногу въ доску такой толщины, какой должна быть толщина прялки. Толстая доска понемногу утончается и превращается въ прялку, какъ она изображена внутри еловаго пня. Такимъ

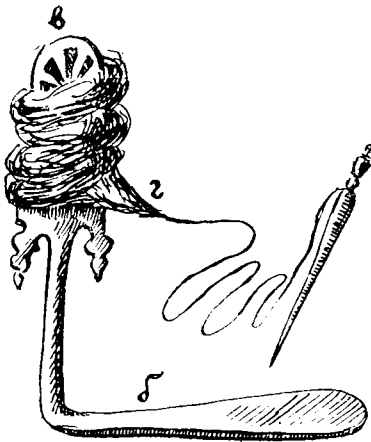

Рис. 29.

образомъ, для того, чтобы сдѣлать маленькую вещь, надо срубить дерево толщиною до 6 вершковъ. Часть *б*, вырубленная изъ корня *а*, зовется копыломъ; эту часть баба подсовываетъ подъ себя, когда садится на лавку пряхть. Широкая часть *в*, въ видѣ лопаты, зовется лопастью. Къ кудели привязывается къ прялкѣ веревочкой, называемой мутѣвисъ и держится въ зарубкахъ, сдѣланныхъ въ краяхъ лопасти. Сидя на копылѣ, нѣсколько бокомъ къ лопасти, баба лѣвой рукой тянетъ бородку кудели *г*, причѣмъ безпрестанно плюетъ на пальцы, чтобы

¹⁾ Грядками въ избѣ называются шесты, лежащіе однимъ концомъ на воронцѣ, а другимъ вдѣланные въ стѣну; они служатъ для помѣщенія на нихъ разныхъ домашнихъ вещей. Три способа добыванія деревяннаго огня, отличные отъ приводимаго здѣсь, описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“ стр. 41.

нитка лучше скручивалась и, отводя эту нитку отъ себя, крутитъ ее и навиваетъ на веретено правой рукой, приводя веретено въ быстрое вращательное движеніе. Свободная часть нитки между бородкой и вертномъ зовется саженью, веретено-же, когда оно полно нитокъ—прѣстнемъ. Для того, чтобы облегчить и ускорить вращеніе веретена, на него надѣвается кружокъ (въ другихъ мѣстахъ пресленѣкъ или преслешокъ).

Нитки, напряденныя на веретено, не зовутся нитками, а прѣдено (сущ. средн. рода). Съ веретена прѣдено своевременно перематывается на мотовило. Мотовило (см. рис. 30) состоитъ изъ дощечки *а*, которая зовется рѣгомъ; въ нее вставляется калиновый пруть *б* съ двумя растопыренными сучками; этотъ пруть и есть собственно мотовило. Держа рогъ въ рукѣ, баба наматываетъ на него нитки, такъ что онѣ ложатся между сучками мотовила и охватываютъ рогъ.

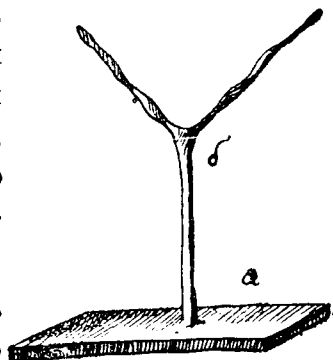

Рис. 30.

Когда нитки перемотаны, онѣ снимаются съ мотовила и зольтятся, т. е. кладутся въ мокрую золу, потомъ на снѣгъ, гдѣ и отбѣливаются.

Со снѣгу нитки снимаются и кладутся на воробѣ (рис. 31). Воробѣ состоятъ изъ подставки *а*, называемой въяхой, которая есть ничто, какъ молодая сосенка, вырытая съ корнемъ. Деревцо ставится, какъ показано на рисункѣ, такъ, что корни служатъ всему инструменту ножками. Въ вершину вколачивается желѣзной гвоздь *б*, а на него надѣваются самые воробѣ, т. е. сложенные подъ прямымъ угломъ сосновые брусочки *в*, въ концахъ которыхъ проверчены дырки. Все это вращается вокругъ гвоздя *б*. Въ дырки втыкаются веретена, а мотъ, т. е. мотокъ нитокъ, накидывается на нихъ.

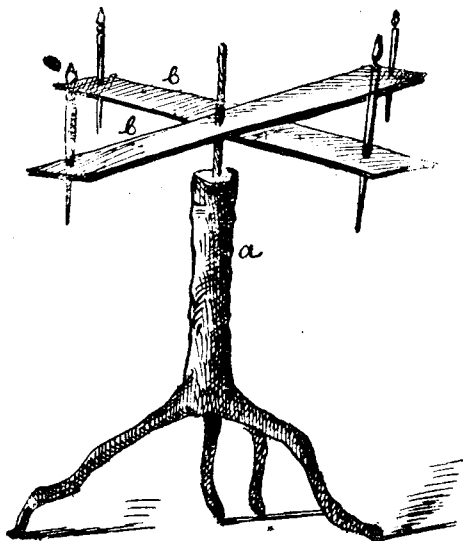

Рис. 31.

Съ воробѣ нитки сматываются на тюрки. Тюркъ дѣлается изъ осинового чурбака, выдолбленного внутри насквозь и обрѣзанного снаружи, какъ показано на рис. 32. Весь тюркъ длиною около 1 арш. и вершковъ 5—6 въ діаметрѣ. Въ верхнее и нижнее отверстіе вставляются кресты изъ березовыхъ брусковъ, въ центрѣ которыхъ провертываются дырки. Въ эти дырки

пропускается березовая спица, которая и служит осью вращения тюрину. Ось вдалбливается въ колодку, колодка-же ставится на лавку, какъ показано на рис. 33. Баба садится подлѣ, придерживая одной рукой нитку, спускающуюся съ воробѣ, другой она вращаетъ тюринь, и нитка перематывается на него. Тюринь въ хозяйствѣ, конечно, не одинъ, а сколько надо.

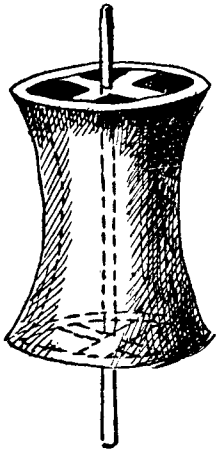

Рис. 32.

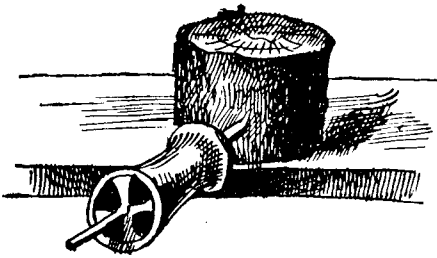

Рис. 33.

Съ тюринь нитки перематываются на сновально (см. рис. 34).

Сосновый столбикъ *а*, длиною сажени двѣ, укрѣпленъ снизу въ доску, но такъ, что можетъ свободно вращаться въ гнѣздѣ, вверху же входитъ въ скобу, прибитую къ слегѣ (въ избѣ или на повѣти).

Въ столбикъ входятъ крестообразно бруски *б*, соединенные по концамъ столбиками *в*. Столбикъ *а* служитъ осью вращения для сновально.

Со сновально нитки идутъ на навѣдину, навоина-же вставляется въ ткацкій станокъ, называемый станиной. Станокъ здѣсь не описывается за сложностью своего устройства.

Вязанье чулокъ, рукавицъ и перстѣтокъ спицами распространено между женщинами, но спицы, называемыя иглами, не покупныя, а дѣлаются дома и не изъ стали, а изъ обыкновенной проволоки, верхъ у которой, т. е. поверхность, только осѣдять напилкомъ, т. е. выглаждать, насколько возможно.

О другихъ женскихъ работахъ будетъ упомянуто въ главѣ о мѣстныхъ промыслахъ.

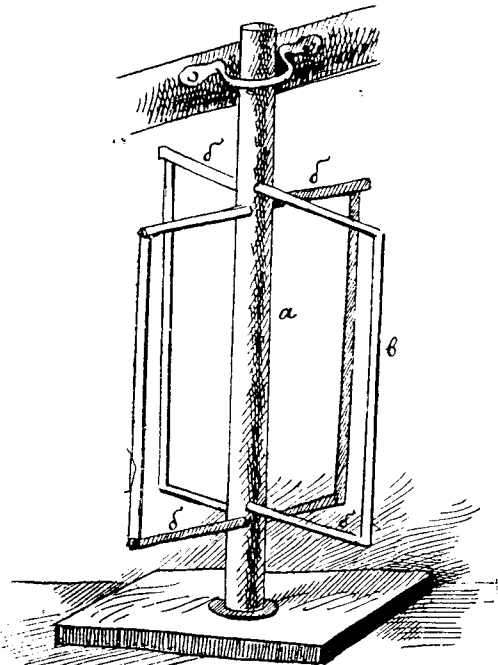

Рис. 34.

Приготовление нѣкоторыхъ кушаній и напитковъ.

Перечисленіе деревенскихъ кушаній и способъ ихъ приготовленія читатель найдетъ въ книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губ.“, здѣсь же я ограничусь описаніемъ приготовленія нѣкоторыхъ кушаній, печенія хлѣба и варки пива и квасу.

Колобки пекутся слѣдующимъ образомъ. Тѣсто „творится“ съ вечера не очень густо на мѣлѣ (т. е. на дрожжахъ; о приготовленіи ихъ сказано дальше). Маленькія желѣзныя сковородки намазываются масломъ, на нихъ наливается изъ квашни тѣсто, и сковородки садятся въ печь, чтобы колобки запеклись. Когда готово, высаживаютъ на столъ, мажутъ масломъ и посыпаютъ толокномъ.

„Мѣлъ“ готовится такъ: послѣ обѣда, часовъ въ 12, берутъ рощу (солодъ), кладутъ въ туясъ и разбалтываютъ въ трубной (колодезной) водѣ. Вечеромъ опускаютъ сюда съ $\frac{1}{4}$ ф. хмелю. Тѣсту даютъ ходить до тѣхъ поръ, пока оно получитъ запахъ вина. Тогда его процѣживаютъ сквозь рѣшето въ другой туясъ и выносятъ въ голбецъ, чтобы не перекисло. Этотъ „мѣлъ“, т. е. дрожжи и кладутся въ квашню для колобковъ и ярушниковъ.

Овсяный кисель готовится двояко: во-первыхъ, вскипятятъ въ горшкѣ воду, замѣшатъ толокномъ и, когда сгустится, ѣдятъ горячимъ. Во вторыхъ, въ квашню нальютъ воды, положатъ часть ячменной муки и часть мякины и поставятъ въ печь, чтобы уварилось. Затѣмъ процѣдятъ сквозь сито и снова поставятъ въ печь. Когда сгустится, готово. ѣдятъ горячимъ и холоднымъ, въ скоромные дни съ молокомъ и со сметаной, въ постные съ ягодами и сусломъ.

Толокно готовится такъ: овесъ просѣвается сквозь рѣшето, обваривается горячей водой и высыпается въ корыто, гдѣ задрѣтеть и дастъ ростки. Когда ростки появятся, овесъ высыпаютъ на печной подъ, и здѣсь онъ просыхаетъ. Затѣмъ, его выгребаютъ въ мѣшокъ, просѣваютъ, чтобы освободить отъ песку и везутъ на мельницу молотъ. Получается толокно.

Черный хлѣбъ печется слѣдующимъ способомъ.

Принеся муку изъ погребѣ въ насыпкѣ (лукошкѣ), баба просѣваетъ ее сквозь рѣшето въ сочельницу (осиновое корытце), а отруби вываливаетъ въ чашку (потомъ они идутъ въ заварку скотинѣ); беретъ чистую квашню, выливаетъ въ нее маленькій ковшъ квасной гущи и до половины квашни воды изъ трубы (т. е. изъ колодца), всыпаетъ муку и размѣшиваетъ ее

мутовкой. Этотъ процессъ называется раствореніемъ квашни *). Растворъ долженъ быть не очень густъ. Затѣмъ, квашня ставится на теплую печь и закрывается квашенникомъ (скатерткой) вмѣстѣ съ мутовкой.

Ночью баба встаетъ раза два, три и смотритъ, „ходитъ“ ли тѣсто. Утромъ, если оно „выходило“, въ него кладется щепотка соли и баба начинаетъ мѣсить растворъ рукой, подсыпая въ него муки. Когда тѣсто перестанетъ лѣзнуть къ рукѣ, оно готово.

Затѣмъ квашня остается на лавкѣ, и здѣсь тѣсто поднимается. Когда достаточно поднялось, баба беретъ короноватую (т. е. сплетенную изъ корней) чашку, посыпаетъ ее внутри мукой и повареночкой выкладываетъ въ нее тѣсто изъ квашни. Въ чашкѣ баба катаетъ ковригу, подбрасывая ее такъ, что коврига вылетаетъ изъ чашки и снова падаетъ въ нее. Когда готово, переваливаетъ въ другую чашку, гдѣ тѣсто снова поднимается, закрытое скатертникомъ, особымъ, излаженнымъ для закрыванія ковригъ полотенцемъ.

Печь затопляется тогда, когда баба начинаетъ катать ковриги. Когда печь протопилась, и угли загребены по сторонамъ, баба замечаетъ печной подъ помеломъ. Чтобы узнать степень жара въ печкѣ, баба шаркаетъ по поду остриемъ лопаты: если изъ подъ лопаты выскакиваютъ искры, жаръ слишкомъ великъ, если нѣтъ, то садить можно. Тогда она беретъ чашку, вываливаетъ изъ нея ковригу на лопату и садитъ въ печь, за ней и прочія ковриги, сколько ихъ есть, и закрываетъ заслонку (труба въ это время уже закрыта).

Чтобы узнать, упекся ли хлѣбъ, баба вынимаетъ одну ковригу изъ печи, беретъ ее въ руки и прикладываетъ къ уху: если въ ковригѣ кипятъ, хлѣбъ еще не упекся, если ничего не слышно, то онъ готовъ. Ковриги вынимаются лопатой и кладутся въ тѣ же короноватыя чашки; баба беретъ на ладонь воды и смачиваетъ ковриги сверху, для того, чтобы корка не была суха. Послѣ того ковриги закрываются полотенцемъ съ цѣлью дать имъ „отдохнуть“. Черезъ нѣкоторое время ихъ перекадываютъ въ кадцу и прячутъ въ голбецъ.

Изъ ржаной муки, кромѣ хлѣба, пекутъ корки подъ рыбу, сочни подъ пироги съ гороховой мукой и подъ картошку. На ржаные же сочни накладываютъ и ясные (ячменные) пироги, т. е. жидкое тѣсто изъ названной муки.

Квасъ. Берутъ глиняный горшокъ, кладутъ въ него ячменной мякины и солоду, льютъ воды и, закрывши закройникомъ (глиняная крышка съ расширеніемъ наверху, за которое берутъ эту крышку въ руки; въ южныхъ

*) Надо замѣтить, что квашней зовется какъ кадочка, въ которой разбалтывается тѣсто, такъ и самое это тѣсто. Въ южныхъ уѣздахъ губернии такого смѣшенія названій нѣтъ. Тамъ кадочка зовется квашонкой, а тѣсто квашней.

уѣздахъ губерніи она зовется волѣхомъ; см. рис. 35) и ставятъ въ печь, чтобы прокипѣло. Эта жидкость называется приголовокъ. Когда печь протопится и трубу закроютъ, горшокъ снова ставятъ въ печь и оставляютъ въ ней до утра. Утромъ берутъ кадцу, наливаютъ въ нее холодной воды и выливаютъ въ эту воду приголовокъ, опускаютъ туда-же и горшокъ, „такъ какъ тутъ слатость“. Въ этой кадкѣ квасъ „живетъ“ до тѣхъ поръ, пока мякина не поднимется къверху и не появится пѣна. Тогда квасъ процѣживаютъ сквозь рѣшето въ лагунъ—деревянную кадочку съ квадратнымъ отверстіемъ въ одномъ днѣ, затыкаемымъ втулкой. Лагунъ опускается въ голбець, откуда квасъ берутъ, по мѣрѣ надобности, нацѣживая его въ жбанъ или братынь.

Рис. 35.

Пиво. Въ чанъ наливаютъ холодной воды; изъ этого чана половину воды разливаютъ въ котлы и кипятятъ „на волѣ“, т. е. гдѣ нибудь на улицѣ. Котелъ вѣшаютъ при этомъ на треножникъ, сдѣланный изъ трехъ слегъ. Когда вскипитъ, дѣлаютъ заторъ, т. е. въ чанъ, гдѣ оставалась вода, кладутъ солоду, ржаной муки и опускаютъ снопъ соломы, такъ, чтобы онъ оставался въ стоячемъ положеніи. Внутри соломеннаго снопа проходитъ стыръ—палка, которая закупориваетъ собою дырку въ днѣ чана.

Вдали отъ дома складываютъ въ груды булыжные камни; обкладываютъ ихъ дровами пирамидально, и дрова зажигаютъ. Камни накаливаются до-красна. Тогда ихъ берутъ щипцами или клещами и опускаютъ въ заторъ.

Щипцы—еловый колъ, расщепленный съ одного конца въ видѣ рогатки и удерживаемый въ этомъ положеніи посредствомъ клина *a* (рис. 36). Щипцы

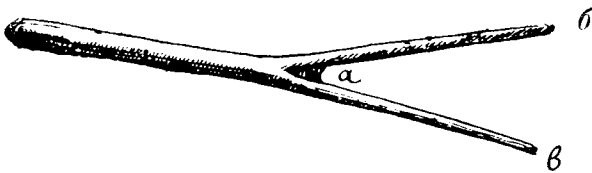

Рис. 36.

берутъ въ обѣ руки и, подцѣпивъ каленый камень на концы *б* и *в*, кладутъ его въ чанъ.

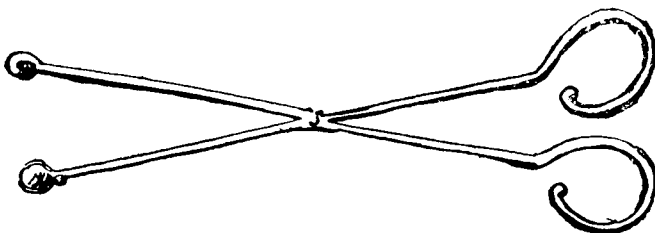

Рис. 37.

Клещи состоятъ изъ двухъ желѣзныхъ прутьевъ, аршина полтора длиною каждый, соединенныхъ въ точкѣ пересѣченія желѣзнымъ же «шконтикомъ»,

как ножицы (рис. 37). На двухъ концахъ прутя завернуты въ кольца, а на противоположныхъ въ узлы.

Надо замѣтить, что кольца эти, не то что ручки у ножицъ, т. е. расположены не въ одной плоскости съ ножками, а изогнуты въось, такъ что охватываютъ камень всѣмъ своимъ краемъ. Берутъ клещи въ руки за узловыя концы, захватываютъ камень кольцами и опускаютъ его въ чанъ.

Отъ каленыхъ камней заторъ начинаетъ кипѣть. Его оставляютъ на полсутокъ на мѣстѣ (а чтобы кто-нибудь не сталъ имъ лакомиться, приставляютъ караульщика). Черезъ полсутки въ чану образуется сусло. Чтобы узнать, готово-ли оно, берутъ ржаную силѣмену (соломенку) и дѣлаютъ изъ нея окѣленку, т. е. сгибаютъ соломенку въ формѣ треугольника (см. рис. 38), берутъ этотъ треугольникъ въ пальцы въ точкѣ *a* и обмакиваютъ въ сусло.

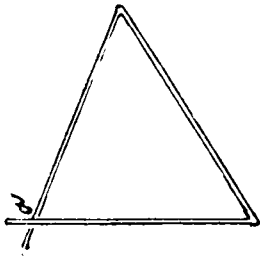

Рис. 38.

Если сусло поспѣло, то оно затягиваетъ площадь треугольника пленкою на подобіе стекла, если не затягиваетъ—значитъ не готово. Если сусло готово, вынимаютъ стыръ и спускаютъ сусло въ корыто. Снопъ соломы, стоящій въ суслѣ, и служитъ для того, чтобы мука не проскакивала въ дыру вмѣстѣ съ сусломъ.

Изъ корыта сусло черпаютъ въ котелъ и владутъ туда хмель. Съ хмелемъ сусло кипятъ на огнѣ влючомъ. Когда остынетъ, процѣживаютъ въ ушаты, ушаты несутъ на повѣтъ и здѣсь переливаютъ сусло въ бочку.

Дѣлается „мѣлъ“ (см. выше), какъ и для колобковъ, съ тою лишь разницею, что тутъ прибавляется водка. Этотъ мѣлъ стоитъ въ избѣ сутки и когда «выходитъ», то выливается въ бочку. Тутъ же владется и хмель, фунта два на бочку.

Пиво начинаетъ бродить. Бродитъ „по видимости“, т. е. за нимъ наблюдаютъ, и, если броженіе слишкомъ сильно, то отливаютъ часть въ другую бочку. Когда выбродило, его можно пить.

Къ празднику варится, примѣрно, 10 ведеръ пива. Угощеніе въ теченіе двухъ, трехъ дней праздника обходится (считая пиво, водку, чай, рыбу и т. п.) рублей въ 15.

На 10 ведеръ пива:

Солоду 1 пудъ	1 р. 50 к.
Муки ржаной 1 п. . . .	— „ 70 „
Хмель 15 ф.	3 „ — „
Водки	— „ 20 „

Итого 5 р. 40 к., т. е. 54 коп. ведро.

Промыслы отхожіе и домашніе.

І. С п л а в ъ л ѣ с а.

Срубая дерево въ лѣсу, оставляютъ порядочной величины пенъ; у упавшаго дерева ровняютъ комель, т. е. обрубаютъ прочъ косую его часть, затѣмъ, отрубаятъ вершину и сучья и чистятъ кору—если тепло, то скоблемъ, а если морозно—топоромъ. На дровни по срединѣ кладется поперечная колодка, на нее надвигаютъ комлевою часть бревна, привязываютъ веревкою и везутъ на кѣтище, т. е. на берегъ рѣчки, гдѣ сваливаются все вырубленные деревья и остаются „до воды“, т. е. до вскрытія рѣчки.

Когда ледъ пронесетъ, деревья спускаютъ въ воду и начинаютъ ихъ плотить. Сплачиванье производится такъ: изъ березовыхъ вицъ (прутьевъ) скручиваютъ кольцо такой величины, чтобы оно свободно охватило два бревна, лежащихъ въ водѣ (см. рис. 39). Затѣмъ, поперекъ бревенъ кладется березовый или сосновый шестъ, называемый ромшиной, кольцо перегибается черезъ него и подъ ромшину просовывается клинъ, какъ показано на рис. 40. Такъ же точно скрѣпляются, послѣдовательно, и слѣдующія пары бревенъ подъ одною и тою же ромшиной. Скрѣпленіе бревенъ кольцами производится, само собою разумѣется, и на другой сторонѣ плота. Составленный такимъ образомъ плотъ небольшихъ размѣровъ спускается внизъ по теченію рѣчки. Дѣлается другой и третій плотъ, и все они слѣдуютъ другъ за другомъ до впаденія рѣчки въ большую рѣку, гдѣ плоты задерживаетъ такъ-называемый заплавъ, т. е. рядъ бревенъ, связанныхъ концами другъ съ другомъ веревкою и протягивающихся отъ одного берега рѣчки до другого. Сплавъ деревъ по рѣчкѣ небольшими плотами называется „сплавомъ молѣмъ“.

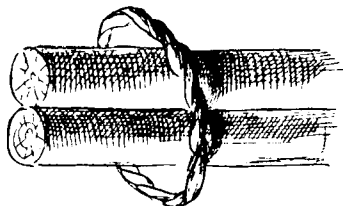

Рис. 39.

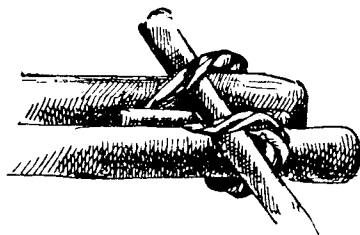

Рис. 40.

Когда все плоты готовы и остановились передъ заплавомъ, они связываются въ одинъ плотъ такими же березовыми кольцами, о которыхъ было сказано выше, и образуется паромъ, т. е. огромный квадратъ изъ плотовъ. У нѣсколькихъ плотовъ, оставленныхъ нарочно свободными, разбираются кольца, и бревна, составлявшія плоты, накатываются на паромъ такъ, что покрываютъ его вплотную и ничѣмъ не прикрѣпляются.

На обоихъ концахъ порома кладутъ затѣмъ поперекъ наката трех-аршин-
ныя чурки *а* и привязываютъ къ накату кольцами. Поперекъ чурокъ кла-
дется собачина *б*, т. е. бревно вершка два въ отрубѣ, и прикрѣпляется къ

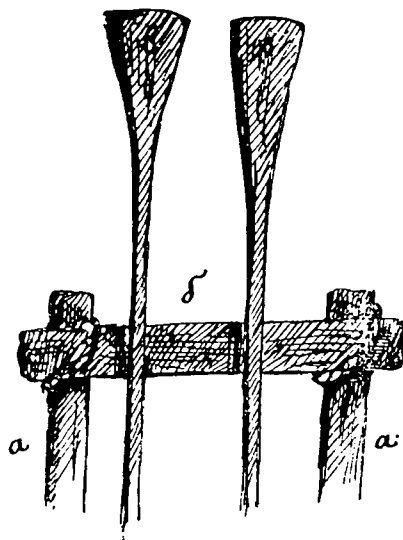

Рис. 41.

чуркамъ тоже кольцами. Въ собачинѣ дѣлают-
ся рубыши (вырубки), въ которыя вклады-
ваются гребки *в*, еловые слеги съ расшире-
ніемъ на концѣ въ видѣ весла (рис. 41). На
внутренней сторонѣ гребковъ дѣлаются вы-
рубки, не позволяющія гребкамъ скользить по
собачинѣ. Гребки служатъ для того, чтобы
править плотомъ „по материку“, т. е. за-
ставлять поромъ идти параллельно берегамъ
рѣки. Такъ какъ поромъ движется силою
теченія, то гребки не служатъ веслами, а ру-
лями. Гребковъ устанавливаютъ на каждомъ
концѣ порома по шести и больше.

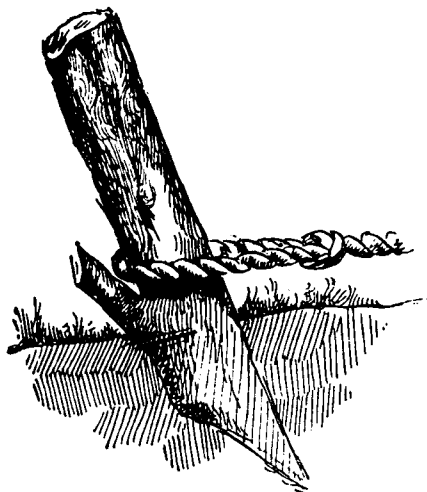

Рис. 42.

На поромѣ устанавливаются шалаши
изъ еловой скалы (коры), которая сгибается
полукругомъ. Шалашъ служитъ для
защиты поромщиковъ отъ непогоды и
для ночлега. Подлѣ шалаша на по-
ромѣ накладывается земля и на ней
разводится огонь, на которомъ пором-
щики варятъ себѣ пищу. На каждомъ
поромѣ находится четыре или пять
лодокъ для выѣзда на берегъ и для
другихъ надобностей.

Когда желаютъ остановить поромъ,
то употребляютъ приколъ (рис. 42). Это
березовый обрубокъ, аршина два дли-
ною, стесанный на одномъ концѣ въ
острѣе, сбоку же у прикола оста-
вляется сукъ.

Выѣзжаютъ на берегъ хвататься, т. е. всаживаютъ въ землю острый
конецъ прикола и накидываютъ на него снась, т. е. веревку, завязанную въ
петлю и другимъ концомъ прикрѣпленную къ порому. Поромъ идетъ впередъ
и приколъ, естественно, начинаетъ „бурѣвить“ землю, сукъ же служитъ при
этомъ для того, чтобы веревка не касалась земли. Когда приколъ вырветъ,
его хватаютъ, бѣгутъ впередъ и снова всаживаютъ въ землю. Такъ повторяется

до тѣхъ поръ, пока поромъ наконецъ не остановится. При этомъ бываютъ несчастные случаи съ рабочими, которые хватаются. Всадивъ приколъ въ землю, работникъ налегаетъ на него всѣмъ тѣломъ и тащится на приколъ, который идетъ впередъ и вырываетъ въ землѣ канаву. Зачастую приколъ выскакиваетъ и отбрасываетъ работника на нѣсколько саженой впередъ и, случается, убиваетъ.

Плата за вырубку лѣса, возку его на катище, выгонку до большой рѣки и сплачиваніе полагается по 60 коп. съ дерева. Дальше нанимаются другіе люди, которымъ платятъ каждому по 15, 16 и 17 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ за сплавъ порома напр. отъ Котласа до Архангельска, т. е. на разстояніи 600 верстъ. Время, потребное для такого сплава, весьма различно: оно зависитъ отъ состоянія погоды и разныхъ случайностей. Сплавъ лѣса отъ Котласа до Архангельска длится иногда мѣсяцъ, даже два, бываетъ же, что „сплываютъ“ и въ 11 дней. По теченію, т. е. силою воды, поромъ двигается обыкновенно до устья р. Пинеги (Усь-Пиньги, какъ говоритъ народъ), собственно пониже верстъ на 5, отсюда-же порома буксируются до Архангельска пароходами, такъ какъ въ Усть-Пинегѣ оказываетъ уже свое дѣйствіе морской приливъ, приливъ же потащитъ поромъ обратно, т. е. вверхъ по рѣкѣ.

„На сплавъ“.

Когда уговорились идти „на сплавъ“, и пришло время отхода, надѣваютъ кафтанъ на мѣху съ борами (полущубокъ), на ноги лапти или катаники, въ сунку (сумку) за плечами кладутся черные сухари, три рубахи и трое подпитанниковъ, шило, иголка, нитки, сапоги, у кого они есть, связываются и перекидываются черезъ плечо. Денегъ берутъ съ собой, примѣрно, рублей 10 на троихъ.

Когда все готово, прощаются съ домашними, обнимаются, цѣлуются; домашніе провожаютъ недалеко. Въ ближней церкви служатъ напутственный молебень.

Въ данномъ случаѣ троемъ—отцу и двумъ его взрослымъ сыновьямъ—предстоялъ путь пѣшкомъ отъ Котласа (60 верстъ ниже Устюга по Двинѣ) до Вологды, т. е. 526 верстъ.

Вышли на 3-ей недѣлѣ Великаго поста, въ концѣ февраля; стояли еще морозы. Планъ былъ такой: дойти до Вологды и оттуда, по вскрытіи рѣкѣ, спуститься на баркѣ въ качествѣ судорабочихъ, до Архангельска, затѣмъ вернуться домой на пароходѣ.

Въ первый день прошли 40 верстъ до Чуркина на Двинѣ, здѣсь пере-

почевали у родственника и на слѣдующій день пришли въ Устюгъ. Въ Устюгѣ остановились на постояломъ дворѣ; за ночлегъ взяли 3 коп. Уху изъ трески варили въ трактирѣ: 11 коп. на троихъ, хлѣбъ свой. Затѣмъ, дальше ночлеги были по деревнямъ; заходили туда, гдѣ пускали; за ночлегъ никогда ничего не требовали, а накормливали за плату по 3 коп. съ человека.

Такъ дошли до Вологды въ концѣ марта. Здѣсь отыскивали одного судовладельца и нанялись къ нему на барку. Квартира была дана отъ хозяина, но хлѣбъ свой. Работа до вскрытія рѣки состояла въ одалбливаніи льда вокругъ хозяйскихъ судовъ; плата за это и за нѣкоторыя другія работы по 40, 50 и 60 коп. въ день на человека, смотря по роду работы; расчетъ разъ въ недѣлю, по субботамъ.

Когда ледъ пронесло, принялись поспѣшно за загрузку судовъ: мукой, льнянымъ сѣменемъ, льномъ, колоніальнымъ товаромъ.

По окончаніи загрузки хозяинъ отелужилъ молебень на каждомъ суднѣ. Пришедшіе помѣстились все трое на одной баркѣ. Рабочихъ нарядили кого къ гребкамъ, кого къ пондснымъ. На баркѣ гребки—огромныя весла, спускающіяся въ воду съ палубы барки по бокамъ ея; поносныя длинныя весла, одно на носу, другое на кормѣ. Гребками гребутъ не постоянно, а тогда лишь, когда барка сойдетъ съ фарватера, поносными же правятъ постоянно. При противномъ или боковомъ вѣтрѣ идти нельзя, тогда пристають къ берегу и выжидаютъ „пондтери“.

Особой каюты для ночлега рабочимъ на баркѣ нѣтъ; спятъ внутри барки, прямо на товарѣ. Пища дается отъ хозяина, кромѣ хлѣба и масла (для каши), которые свои;—шти или уха, каша пшенная или овсяная и мясо, все свѣжее и хорошее ¹⁾. Передъ обѣдомъ и ужиномъ даютъ по стакану (чайному) водки, а въ праздники по три стакана въ день. Кто не пьетъ водки, получаетъ взамѣнъ ея по 10 коп. за стаканъ.

Плата рабочимъ обусловливается силами ихъ и способностями. Въ данномъ случаѣ отцу было назначено 25 р., старшему сыну 17 р., меньшему 16 р. Это плата за весь путь отъ Вологды до Архангельска. Деньги были выданы тогда лишь, когда барку поставили въ Архангельскѣ на мѣсто.

Спрашивается: что же осталось у нашихъ троихъ „сплавныхъ“, когда они вернулись домой послѣ двухмѣсячныхъ невѣроятныхъ трудовъ, усилій и

¹⁾ Иначе и быть не можетъ, потому что судно, нагруженное товаромъ на нѣсколько тысячъ рублей, передается исполнѣ на волю судорабочихъ. Малѣйшая обида или неудовлетвореніе законныхъ ихъ желаній (напр. хорошая пища) со стороны хозяина или его прикащика могутъ повлечь за собою гибель судна и взыскать за это съ рабочихъ нищихъ, конечно, ничего нельзя. Но всякій сплавной товаръ бываетъ обыкновенно застрахованъ.

лишений? Десять рублей у нихъ были взяты съ собою на дорогу; они ихъ и проѣли. Въ Вологдѣ что выручили подневной работы до вскрытія рѣки—тоже проѣли. Затѣмъ, во время пути отъ Вологды до Архангельска и отъ Архангельска до дому (600 верстъ) проѣдено 10 р., всего прожито 20 р. Получено-же 58 р., стало быть, чистаго барыша осталось 38 р., т. е. 21 коп. на человѣка въ день. Эти оставшіяся въ рукахъ деньги зовутся суховыми.

Рыболовство.

Рыбу ловятъ въ р. Двинѣ, въ рѣчкахъ и озерахъ различными снастями и ловушками, а именно:

Какъ только пронесетъ ледъ, выѣзжаютъ на рѣку съ неводомъ. Неводъ бываетъ длиною до 100, даже до 150 сажень и принадлежитъ обыкновенно тремъ или четыремъ владѣльцамъ. Столбы, т. е. полосы, изъ которыхъ состоитъ неводъ, вяжутся, зимою мужчинами, изъ льняныхъ или конопляныхъ нитокъ. Столбы сшиваются вмѣстѣ и образуютъ прямоугольникъ *а, б, в, г*. (см. рис. 43). По краямъ *ав* и *бг* пришиваются къ неводу веревки, которыя на нѣкоторомъ разстояніи связываются вмѣстѣ, и затѣмъ идетъ одна длинная

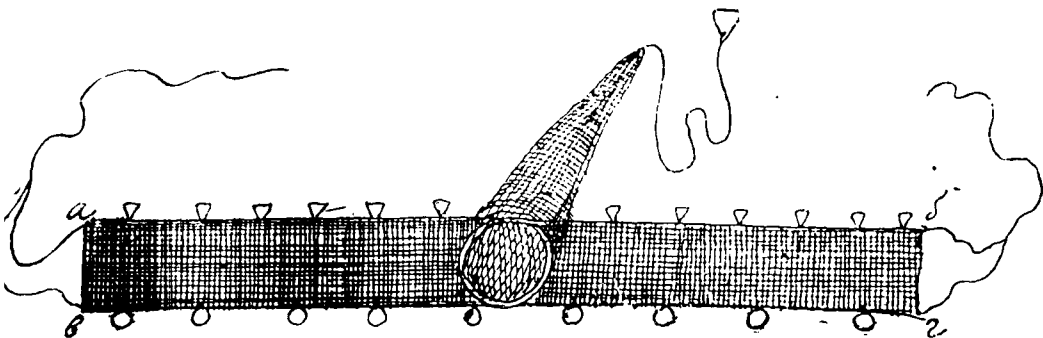

Рис. 43.

веревка, за которую рыболовы и волокутъ неводъ. По нижнему краю невода прикрѣпляются камни, завернутыя въ берестяныя ленты; камни эти зовутся кибасѣ (един. кибасѣ); они служатъ для загрузенія невода въ воду, къ верхнему-же краю наплавки (см. рис. 44)—треугольныя деревянныя дощечки съ дыркой въ одномъ углу, куда и продѣвается веревка, прикрѣпляющая наплавокъ. Въ серединѣ невода вставляется, тоже вязанная изъ нитокъ, мѣтица, имѣющая видъ мѣшка. Къ концу ея на длинной веревкѣ привязывается наплавокъ, который и всплываетъ на поверхность воды.

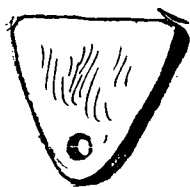

Рис. 44.

Съ неводомъ выѣзжаютъ на рѣку въ лодкѣ, закидываютъ его и плывутъ снова къ берегу. Тащатъ неводъ за боковыя веревки

не съ лодокъ, а по берегу, приче́мъ рыба, захваченная неводомъ, входитъ въ матицу и наполняетъ ее.

Владѣльцы невода дѣлятъ пойманную рыбу—крупную поштучно, а мелкую на вѣсы или чашками.

Бредникъ похожъ на неводъ, но меньше его,—сажень 15, 20, тоже имѣетъ матицу. Имъ бродятъ рыбу въ озерахъ—щучекъ, „карасёвъ“ и т. п.

Мерёжа представляетъ двѣ сѣти—одна съ крупными, другая съ мелкими ячейками. Онѣ накладываются одна на другую и сшиваются по краямъ и по срединѣ. Мережа устанавливается въ рѣчкѣ въ вертикальномъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ, втыкаемыхъ въ дно.

Чтобы загнать въ сѣть рыбу употребляютъ ботъ (см. рис. 45). Это длинный шестъ съ расширеніемъ на концѣ. Расширенная часть выдѣлбивается внутри въ видѣ колокола. Рыболовъ, держа шестъ въ рукахъ за середину, хлопаетъ ботомъ по водѣ и этимъ стукомъ пугаетъ рыбу и загоняетъ ее въ мерезу.

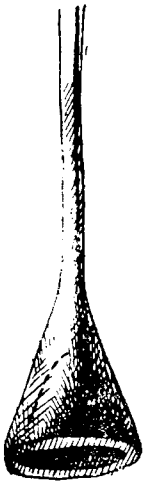

Рис. 45.

Ловля рыбы посредствомъ киньги производится такъ.

Подходящее озерко „переваливается поперекъ кочью“, т. е. вколачиваются два ряда кольевъ и между ними насыпается земля, такъ что образуется плотина, называемая вѣзомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой плотины оставляются проходы, такъ называемыя ворота. Въ этихъ воротахъ закладываются киньги *а* и *б*, такъ что рыба, переходящая сквозь ворота изъ одной части озера въ другую, попадаетъ въ соотвѣтствующую киньгу.

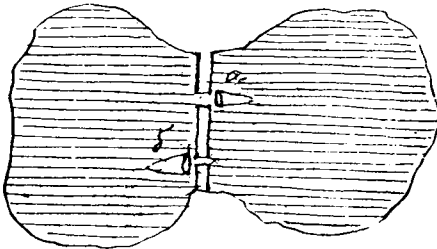

Рис. 46.

Киньга (рис. 46) устраивается такъ: берутъ два сосновыхъ бадожка *а* и *б* и къ нимъ по концамъ привязываютъ прочныя ивовыя вицы *в* и *г*, такъ что образуется прямоугольникъ; онъ зовется твориломъ. Тогда къ нему начинаютъ прикрѣплять особымъ способомъ ивовыя вицы, сгибая ихъ вокругъ бадожка и

боковыхъ вицъ и оставляя концы пока свободными. Вицы эти ложатся вплотную одна подлѣ другой вокругъ всего творила. Затѣмъ, ихъ начинаютъ переплетать поперекъ тоненькими вичками, суживая постепенно и отрѣзывая по угламъ извѣстное число вицъ, для того, чтобы образовалась четырехгранная пирамида. Въ вершинѣ ея оставляется круглое отверстіе, называемое горломъ *д*. Вся эта корзинка зовется языкомъ.

Когда языкъ готовъ, къ нему начинаютъ придѣлывать матицу, т. е.

вторую наружную пирамиду или корзинку, тѣмъ же способомъ, какъ плетется и языкъ (рис. 47).

На нѣкоторомъ разстояніи отъ горла *д* въ матицу вставляется кольцо *е*, съ тою цѣлю, чтобы она не приняла сплюснутый видъ. Въ нижнемъ концѣ матицы находится отверстіе *ж*, зовущееся жопой; оно затыкается клочкомъ сѣна, называемымъ вехотью (рис. 48).

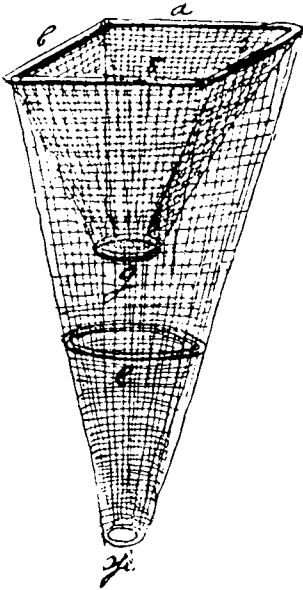

Рис. 47.

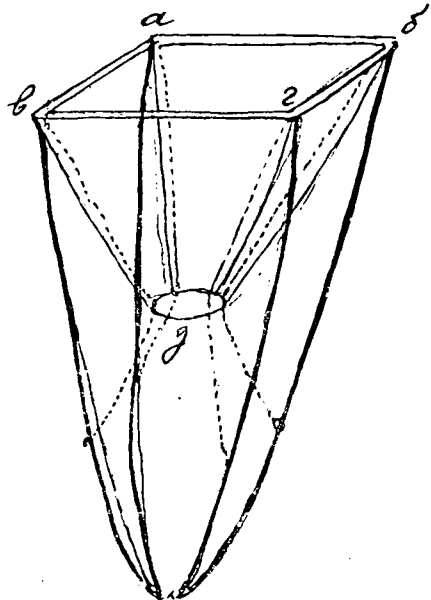

Рис. 48.

Когда плотина черезъ озеро и ворота въ ней готовы, киньга погружается въ воду и укрѣпляется въ воротахъ. Рыба входитъ черезъ творило въ языкъ, проходитъ черезъ горло въ матицу и тамъ остается. Киньгу вытаскиваютъ изъ воды, вынимаютъ вехоть изъ отверстія *ж* и, посредствомъ встряхиванія выкладываютъ черезъ это отверстіе рыбу.

Вмѣсто киньги въ ворота закладываютъ и морды (рис. 48). Морда дѣлается такъ: къ творилу *а б в г* пришивается сѣтъ изъ нитокъ съ отверстіемъ въ вершинѣ *д*, тоже зовущаяся языкомъ, какъ и въ киньгѣ. Къ тому же творилу пришивается длинная (аршина $1\frac{1}{2}$ —2) сѣтъ въ видѣ мѣшка, но безъ отверстія въ вершинѣ и распирается лучками, обозначенными на рис. 48 толстыми линіями. Мѣшокъ этотъ тоже зовется матицей. Для того, чтобы языкъ не спадался, отъ угловъ тврила пропускаются въ отверстіе *д* четыре нитки, которыя концами своими прикрѣпляются къ лучкамъ; на рисункѣ онѣ обозначены пунктиромъ.

Весною, когда уже начнетъ спадать вода, между озерками образуются протоки, зовущіеся бороздами. Въ такой бороздѣ выбираютъ удобное мѣсто

и втыкаютъ на томъ и другомъ берегу шесты въ видѣ козелъ, какъ показано на рис. 49, въ развилины-же шестовъ кладется жердь.

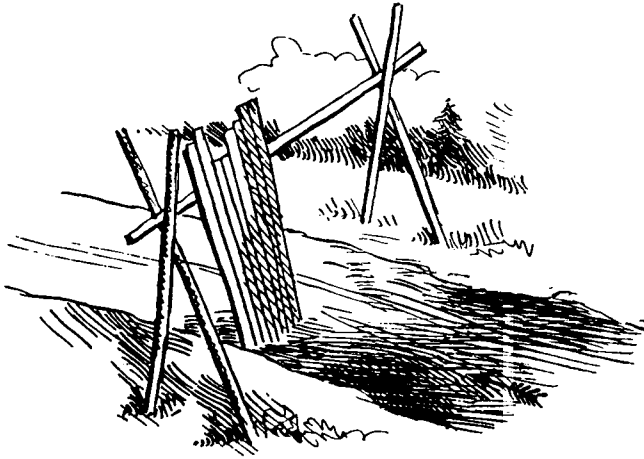

Рис. 49.

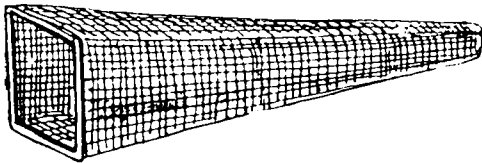

Рис. 50.

Сосновыя драйки въ палецъ толщиною, называемыя стружъ, вколачиваются въ дно борозды такъ, что свободными концами своими прислоняются къ шесту. Неподалеку отъ того или другого берега борозды въ стружъ дѣлаются ворота, въ которыя и вставляются киньга, обращенная тво-

риломъ противъ теченія. Рыба, проходящая по бороздѣ, попадаетъ въ киньгу. Весь этотъ снарядъ цѣликомъ зовется запбромъ.

Въ быстрыхъ рѣчкахъ ловля рыбы производится посредствомъ сѣрпы (рис. 50). Сѣрпа видомъ похожа на киньгу, но представляетъ одну корзинку, сплетенную изъ ивовыхъ виць и не имѣетъ на заднемъ концѣ отверстія.

Въ дно рѣчки вколачиваются колья и переплетаются въ поперечномъ направленіи вицами. Въ одномъ мѣстѣ этой загородки, называемой ѣзомъ, оставляются ворота. Въ воротахъ на дно рѣчки кладется бѣрдо, т. е. слой сѣна или еловой лапы, который прикрѣпляется къ землѣ четырьмя крюками. Бѣрдо служитъ для того, чтобы вода не выбила въ воротахъ ямы и рыба не стала бы проскальзывать мимо сѣрпы. Сѣрпа просто вставляется въ ворота безо всякой закрѣпы и держится напоромъ воды. Рыба, попавшая въ сѣрпу, не можетъ выйти обратно, тоже потому, что вода ее не пускаетъ.

Фитиль (рис. 51)—большой снарядъ для ловли рыбы въ рѣчкахъ и озерахъ. Онъ устранивается такъ.

Къ большому кольцу изъ вересоваго (можевеловаго) или ивоваго прута *a* прикрѣпляется связанный изъ льняныхъ нитокъ языкъ *б*, который удерживается отъ спаданія нитками, идущими отъ кольца къ другому кольцу изъ ивоваго прута *в* (на рисункѣ эти нитки не показаны). Къ тому же кольцу *a* прикрѣпляется матица *а* *г*, въ которую входитъ языкъ и которая расперта ивовыми кольцами *в*, *д*, *е*. Къ вершинѣ матицы прикрѣплено ивовое же

кольцо *ж*; въ него втыкается шестикъ *з*, для того, чтобы удерживать снарядъ на мѣстѣ и не давать ему передвигаться отъ теченія воды.

Къ тому-же кольцу *а* привязываются два крыла *и* и *к*, аршина по 2 длиною каждое. Они удерживаются въ стоячемъ положеніи посредствомъ двухъ шестовъ *л* и *м*, вбитыхъ въ дно рѣки и торчащихъ надъ водою, тогда какъ весь фитиль скрытъ въ водѣ.

Ячен у этого снаряда крупныя, и въ него попадаетъ крупная рыба: лещи, язи, щуки.

Осенью, по первому ледку, ловятъ посредствомъ поводка (рис. 52) налимовъ.

Нѣсколько нитокъ изъ самаго чистаго льна ссыкаются въ одну. Эта толстая и крѣпкая нить и есть поводокъ. Къ концу ея привязывается двойница, т. е. раздвоенная и на концѣ снова связанная нить. Къ оконечности этой двойницы прикрѣпляется желѣзный крюкъ, а на него насаживается нажива — маленькій живой налимчикъ. Верхній конецъ поводка привязывается къ небольшому шесту, который зовется шатиной.

Во льду проколачивается пролѣка, т. е. отверстіе, въ которое опускается поводокъ съ налимчикомъ, за ними и шатина; послѣдняя втыкается въ дно рѣки. Налимчикъ начинаетъ плавать и водить за собою поводокъ, большой налимъ проглатываетъ маленькаго и попадаетъ на крюкъ.

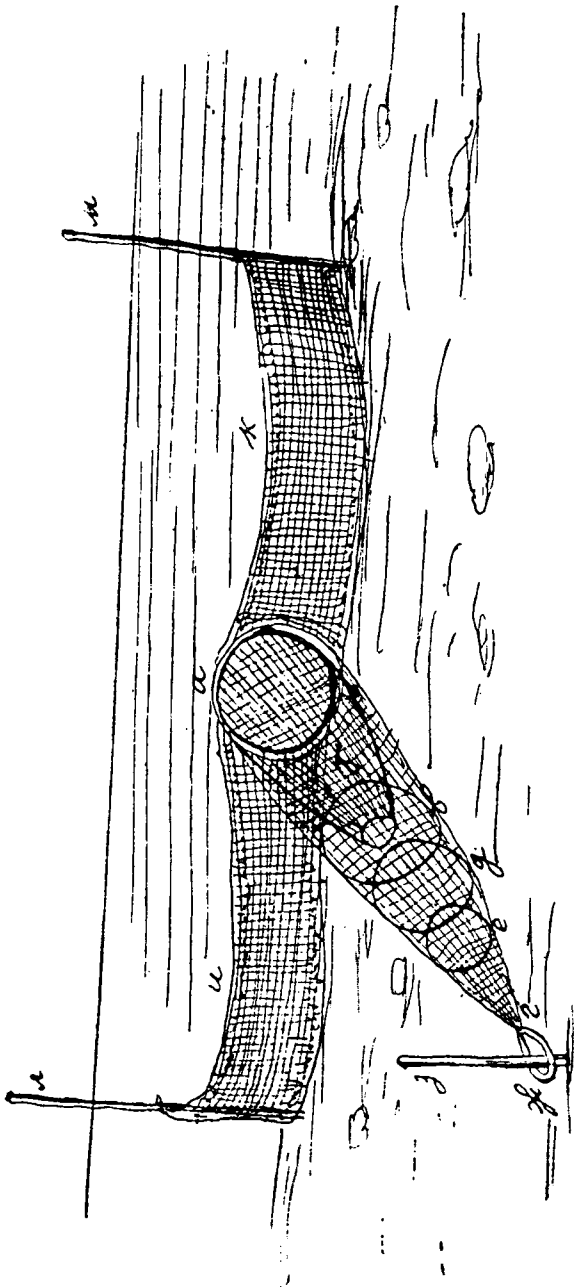

Рис. 51.

Когда ледъ сдѣляется толще, тогда ловятъ налимовъ на тыкаль (рис. 53). Дѣлается рѣчной крюкъ, т. е. берется шесть сажени, 3 длиною, и въ одномъ концѣ

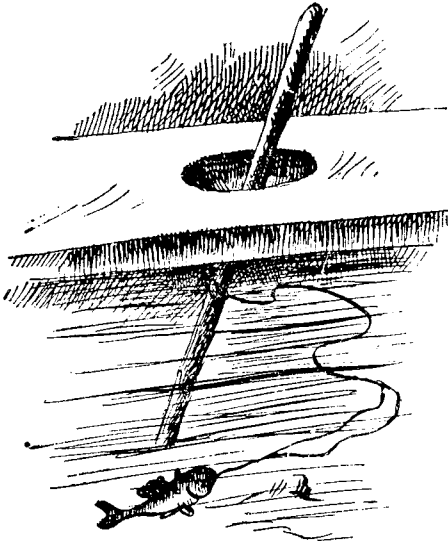

Рис. 52.

въ другой же конецъ вколачивается же-
его выдалбливается небольшая впадина,
лѣзный крюкъ и прикрѣпляется саргѣй,
т. е. полоской листового желѣза. За-
тѣмъ берутъ нѣсколько сосновыхъ
палочекъ съ пол-аршина длиною, за-
остряютъ ихъ съ одного конца, другой
же конецъ вкладываютъ въ отверстіе,
выдолбленное въ шесть (см. рис. 53),
такъ, чтобы тыкалецъ не выпадалъ.
Къ тыкалку привязываются такіе же
точно поводки, какъ было объяснено
выше, и тыкалецъ вмѣстѣ съ повод-
комъ опускаютъ въ прорубь. Когда
коснутся оконечностью тыкалка дна
рѣки, шесть нажимаютъ, и тыкалецъ
входитъ на половину въ землю. Шесть

вынимаютъ вонъ и такимъ же образомъ втыкаютъ второй, третій
и всѣ остальные тыкалки.

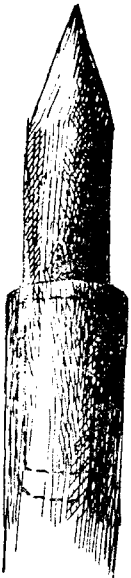

Рис. 53.

Когда предполагаютъ, что налимъ уже попался на пово-
докъ, опускаютъ шесть въ прорубь тѣмъ концомъ, на которомъ
насаженъ крюкъ, и стараются поймать этимъ крюкомъ пово-
докъ, лежащій на днѣ. Если поводокъ поднимается безъ со-
противленія, это значитъ, что налимъ не попался, тогда по-
водокъ выпускаютъ и пробуютъ другой поводокъ и т. д.

Маленькихъ налимчиковъ, какъ наживку, ловятъ заранѣе
въ озерахъ и рѣчкахъ и держатъ въ ведрѣ; отправляясь же
на ловлю, ведро ставятъ на „сандочки“, т. е. салазки, на
саночкахъ же везутъ и ушатъ съ водою, въ который садятъ
потомъ выловленныхъ налимовъ, если хотятъ продавать ихъ
живыми, если же нѣтъ, то закалываютъ тутъ же на мѣстѣ и
замораживаютъ. Налимы попадаются вѣсомъ отъ 5 ф. до полу-
пуда.

Ловля съ лучомъ.

Осенью, по первому льду, но еще до выпаденія снѣга, берутъ „санки“,
топоръ, зобню или пестерь, наполненные смольемъ (изрубленные смолистыя части
соснового дерева), кій—деревянный молотокъ, подобный тому, какой употре-

бляется при конопаченіи дома и острогу, или же обыкновенную сковороду со сковородникомъ и вечеромъ отправляются на ловлю.

Но сперва два слова объ устройствѣ острогѣ. Въ деревняхъ по Сухонѣ, въ другихъ уѣздахъ Вологодской губ., а также и на Двинѣ въ Архангельской, въ осенніе вечера ловятъ рыбу съ лучомъ („лучать“), разбѣжая въ лодкѣ съ желѣзной „козой“, т. е. вилкой или иного устройства снарядомъ, гдѣ горитъ смольё, освѣщающее воду, и рыболовъ, стоящій въ лодкѣ, закалываетъ рыбу острой, т. е. желѣзнымъ четырехърезубцемъ, насаженнымъ на палку. Въ описываемомъ же мною мѣстѣ на Двинѣ, близъ устья Вычегды, съ лучомъ за рыбой не ѣздятъ и острой зовутъ здѣсь снарядъ, не имѣющій никакого сходства съ четырехърезубцемъ. Здѣсь острога дѣлается мѣстными кузнецами и состоитъ изъ четвероугольника, составленнаго изъ положенныхъ крестообразно, т.

е. рѣшеткой полосъ листового желѣза съ загибомъ по краю (рис 54). Съ одной стороны этого желѣзнаго ящика придѣлана трубка, въ которую вставляется деревянная

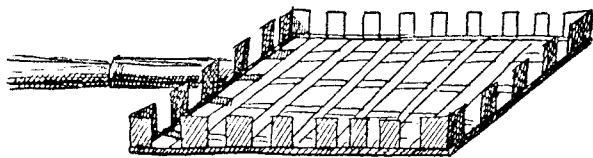

Рис. 54.

ручка, къ загибамъ же вдоль края ящика приклепываются небольшія полоски желѣза въ стоячемъ положеніи.

Дно остроги дѣлается въ рѣшетку съ двоякою цѣлью: чтобы перегорѣвшее смольё высыпалось вонъ и чтобы огонь освѣщалъ ледъ и подъ острой, тогда какъ при употребленіи вмѣсто остроги сковороды, послѣдняя бросаетъ отъ себя внизъ обширную тѣнь, мѣшающую разглядѣть рыбу.

И такъ рыболовы, сойдя съ берега въ рѣку, идутъ по льду близъ берега, гдѣ неглубоко кладутъ на острогу (или сковороду) смолья и зажигаютъ его. Стоящая (и спящая) въ водѣ рыба видна отчетливо сквозь прозрачный ледъ. Замѣтивъ ее, одинъ изъ рыболововъ ударяетъ надъ нею кіемъ по льду и оглушаетъ ее. Тогда прорубаютъ топоромъ ледъ и вытаскиваютъ рыбу. Это дѣлается поспѣшно, потому что черезъ нѣкоторое время рыба оживаетъ.

Въ закрытыхъ, т. е. не имѣющихъ стоковъ озеркахъ, бываетъ, „дохнетъ“, т. е. задыхается отъ недостатка воздуха подо льдомъ. Вода въ такомъ озерѣ дѣйствительно дѣлается „кислою“, т. е. вонючею и негодною къ употребленію. Въ такихъ озерахъ рыболовы прорубаютъ во льду дыры аршина два въ квадратъ и сакаютъ рыбу черезъ прорубъ во множествѣ посредствомъ сѣка, т. е. сѣти въ видѣ мѣшка, пришитой къ кольцу съ ручкой.

Бердяной ѣзъ.

Берутъ двѣ большихъ деревянныхъ планки, кладутъ ихъ параллельно

на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и поперекъ ихъ слой соломы, сѣна или еловой лапы; солома или сѣно прижимаются другой парой планокъ и затѣмъ эти планки связываются попарно въ трехъ мѣстахъ (рис. 55).

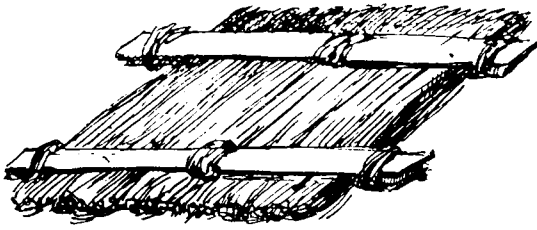

Рис. 55.

Этотъ соломенный щитъ зовется бердомъ; щитовъ такихъ изготовляется нѣсколько.

Выбирается подходящее мѣсто въ какомъ нибудь озерѣ, и во льду, покрывающемъ это озеро, прорубаютъ отъ берега до берега щель, которая зовется

майна; шириною она съ четверть аршина. Въ эту майну начинаютъ опускать берда, такъ, чтобы они становились ко дну озера и ко льду подъ прямымъ угломъ. Въ извѣстномъ мѣстѣ дѣлаютъ пропускъ, т. е. ворота, и затѣмъ продолжаютъ ставить въ воду берда вплоть до другого берега. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ одного берда недостаетъ, въ воротахъ, во льду, дѣлаютъ прорубь по формѣ и величинѣ киньги. У краевъ этой проруби вбиваются въ дно озера колья, а между ними опускается въ воду киньга, въ которую и попадаетъ рыба (рис. 56).

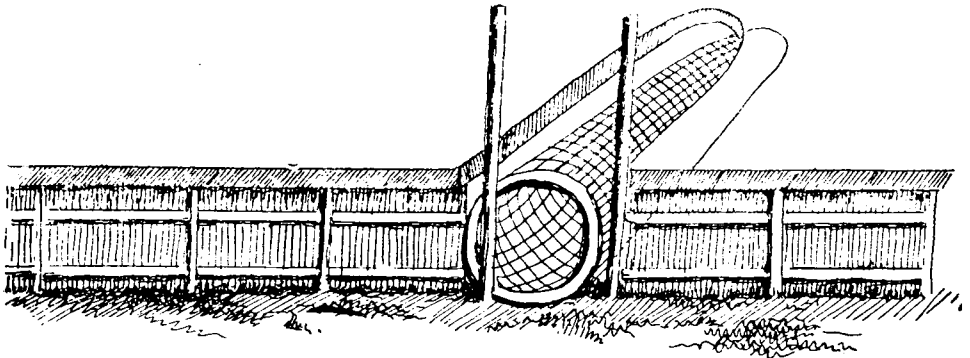

Рис. 56.

Изловленная тѣмъ или другимъ способомъ рыба сохраняется въ садкахъ, которые бываютъ двухъ видовъ: четырехугольные и треугольные.

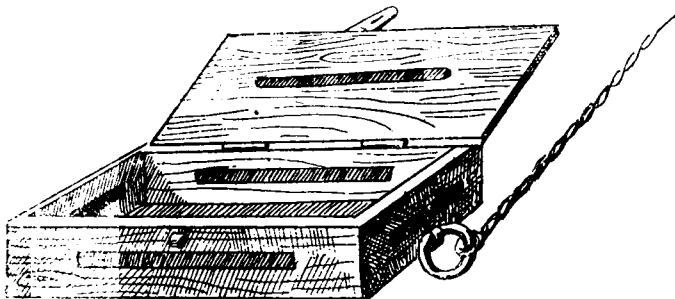

Рис. 57.

Четырехугольный садокъ представляетъ ящикъ аршина 2 длины, 1 — 1 1/2

ширины и до полтаршина высоты, сколоченный изъ досокъ (рис. 57). Крышка ходитъ на петляхъ и къ ней приколоченъ пробой, который накладывается на петлю въ передней стѣнкѣ для запиранія садка висячимъ замкомъ. Въ одну изъ

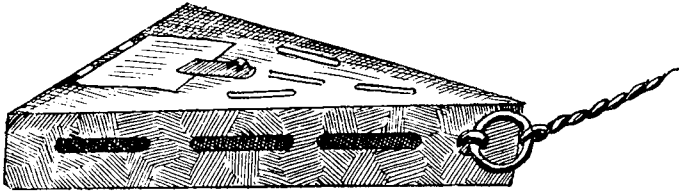

Рис. 58.

боковыхъ стѣнокъ ввинчивается кольцо; къ нему привязывается веревка однимъ концомъ, а другимъ къ колу, вбитому въ землю. Въ днѣ, крышкѣ и четырехъ стѣнкахъ ящика прорѣзываются щели для того, чтобы вода могла свободно протекать черезъ садокъ. Будучи опущенъ въ воду, садокъ держится на поверхности воды. Треугольный садокъ таковъ, какъ показано на рис. 58.

Ловля звѣрей и птицъ.

Ловля звѣрей и птицъ не особенно развиты въ описываемой мѣстности. Зайцевъ, медвѣдей и волковъ ловятъ капканами не своей работы. Этихъ же животныхъ бьютъ и изъ ружей одностволокъ, онѣ покупаются готовыми въ городахъ. Горностаевъ ловятъ осенью, когда они уже побѣлѣли, именно ставятъ около норки мережку, составленную изъ двухъ сѣтокъ—одной съ крупными ячеями и другой съ мелкими, сшитыхъ вмѣстѣ по краямъ. Выйдя изъ норки, звѣрокъ запутывается въ сѣтяхъ и остается въ нихъ.

Что касается ловли птицъ, то заслуживаютъ вниманія два способа этой ловли—пленницей и сѣльемъ.

Пленницей ловятъ преимущественно утокъ въ весеннее время. Берутъ толстую нитку аршина 3—4 длиной, складываютъ пополамъ, такъ что образуется двойная нить и концы ея привязываютъ къ двумъ вичкамъ, которыя и втыкаются въ землю гдѣ нибудь на прошлогодней жнивѣ. Изъ конского волоса дѣлается

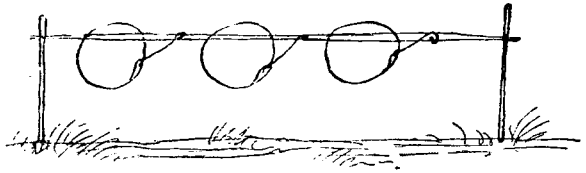

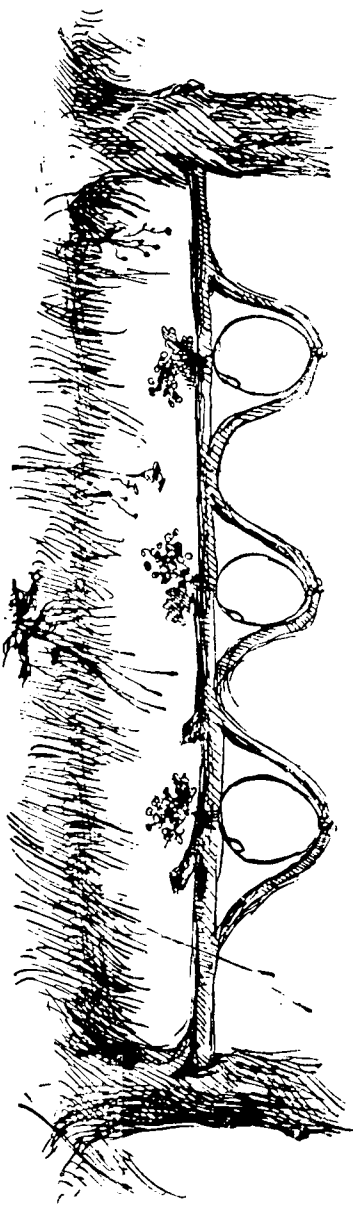
Рис. 59.

петля; конецъ волоса привязывается къ натянутымъ между вичками нитямъ, петля раздвигается и верхній край ея просовывается между нитями (рис. 59). Утки, бродя весною по жнивѣ и отыскивая себѣ тамъ пищу, попадаютъ головою въ петлю, и она ихъ давитъ.

Сѣлье дѣлается такъ: выбираютъ въ лѣсу двѣ стоящія неподалеку одна отъ другой сосны, дѣлаютъ въ нихъ топоромъ зарубки и въ этихъ зарубкахъ

укрѣпляютъ еловую хворостинку съ сучьями на одной сторонѣ, обращенной къверху. Два сосѣднихъ сучка пригибаются другъ къ другу и связываются вершинками, такъ что образуютъ полукругъ (рис. 60).

Рис. 60.

Изъ тонкой мѣдной проволоки дѣлаются петли, которыя и укрѣпляются въ промежуткахъ между сучьями, подъ петлями-же привязываются къ хворостинкѣ кисти рябиновыхъ или калиновыхъ ягодъ, какъ приманка. Птица садится на хворостинку между сучьями, наклоняетъ голову, чтобы достать ягоды и петля затягиваетъ ей шею. Такъ ловятъ рябчиковъ, тетерекъ, куропатокъ.

Довольно оригиналенъ способъ ловли дикихъ гусей на картофель. Гдѣ нибудь на высокой веретѣ (горушкѣ), незатопляемой весеннею водою, втыкается накрѣпко въ землю сосновый колышекъ съ полтаршина величиной. Къ нему привязывается тоненькая веревочка около трехъ четвертей длиною съ рыболовнымъ крючкомъ на концѣ. На крючекъ, какъ приманка, насаживается небольшая картофелина, которая и лежитъ въ травѣ. Гусь, найдя эту картофелину, проглатываетъ ее и попадаетъ на крючекъ.

Суда и лодки.

Баржи — огромныя суда (бываютъ до 40 саж. длиною), строятся въ Устюгѣ; служатъ для перевозки разной клади въ Архангельскъ и обратно. Самостоятельно не плаваютъ, а буксируются пароходами.

Барки, тоже строятся въ Устюгѣ, величиною 16—18 саж. Служатъ только для сплава разнаго товара въ Архангельскъ, а назадъ не возвращаются. По выгрузкѣ продаются на сломъ и идутъ на постройку мостковъ (тротуаровъ) и заборовъ.

Тифинка (тихвинка) — большая лодка, имѣетъ нижнюю палубу прямую; на эту палубу и укладывается товаръ; надъ нею зонтъ, т. е. верхняя, вы-

пуклая палуба изъ тесу съ перильцами по бортамъ. Въ бокахъ и спереди зонта дѣлаются дверцы для входа; въ кормѣ отгораживается крошечная каютка для хозяина. Тихвинка имѣетъ мачту; къ мачтѣ прикрѣпляется бечева, посредствомъ которой судно тянуть нѣсколько лошадей, идущихъ по бечевнику. На концѣ бечевы находятся веревочныя вѣтки, называемыя подмудками; къ подмудкамъ пристегиваются лошади. Лошадьми править и погоняетъ ихъ коноводъ; на суднѣ править рулемъ шкѣпнаръ; палубщики слѣдятъ за снасью, т. е. за бечевой; водолей отливаетъ воду, накапливающуюся въ трюмѣ.

Снегà (шняка?) лодка саженой 6 длиною, шитая (гвоздями) изъ тесу, имѣетъ мачту. Дуги, служащія ей распорками, зовутся опругами; на опруги настиляется полъ, называемый тѣлгасъ. По срединѣ судна дѣлается, изъ тесу же, крыша на два ската. Подъ эту крышу ставятся кадки, наполненныя куриными яйцами, которые отвозятъ въ Архангельскъ. Въ носу снеги помѣщаются два гребца, сидящіе лицомъ другъ къ другу и гребущіе вмѣстѣ парой большихъ веселъ; въ кормѣ сидитъ рулевой съ однимъ весломъ; весло это зовется нависъ. При попутномъ вѣтрѣ на мачту вѣшается небольшой парусъ изъ холста или изъ рогожи. Снеги дѣлаются дома и цѣнятся до 70 руб. штука. Назадъ тоже не возвращаются.

Косная лодка—съ высокимъ и острымъ носомъ и такою же кормой большая лодка, шитая изъ тесу, мачты не имѣетъ. Въ ней на тѣлгасъ ставятся кадки съ яйцами и покрываются соломой. Подымаетъ до 100 пудовъ груза. Два гребца сидятъ въ этой лодкѣ въ носу въ веслахъ и одинъ на кормѣ съ рулевымъ весломъ. Цѣна этой лодки около 10 руб. По продажѣ яицъ въ Архангельскѣ, косныя лодки тоже продаются тамъ, а назадъ не „обращаются“.

Карбасъ—большая широкая лодка безъ палубы и мачты, дѣлается дома и служитъ для переправы черезъ рѣки. Въ нее садятся четыре гребца, каждый съ отдѣльнымъ весломъ, и одинъ, пятый, съ рулевымъ. Цѣна карбаса около 100 рублей.

Стружбкъ. Дѣлается дома изъ одного осинового бревна. Бревно выдалбливается корытомъ, затѣмъ распаривается кипяткомъ и разводится; поперекъ вставляются опруги, которыя и не даютъ бортамъ сблизиться. Тѣлгасъ не вкладется; люди садятся прямо на дно лодки. Гребецъ садится по срединѣ, беретъ въ руки двоерушное весло, т. е. длинный шестъ, на концахъ котораго находится по лопасти, и погружая въ воду то одну, то другую лопасть, подвигается впередъ. Или такъ: гребецъ съ однимъ коротенькимъ, въ видѣ лопаты, весломъ въ рукахъ садится на одномъ концѣ лодки; тогда другой конецъ, до самой середины, поднимается изъ воды и

лодка, имѣя на половину меньше прикосновенія къ водѣ, при быстрыхъ ударахъ весла движется весьма быстро, Вообще стружкѣ очень ходкія и легкія лодки, стоимостью всего рубля $1\frac{1}{2}$ —2; въ нихъ ѣздятъ съ мережками за рыбой и на охоту за утками весною.

Кустарные промыслы.

Объ этихъ промыслахъ я расскажу коротко, ограничиваясь лишь упоминаніемъ о большинствѣ изъ нихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я загромодилъ бы подробностями мои и безъ того затянувшіяся записи.

Гончарный промыселъ. Вся глиняная посуда, какая только употребляется въ хозяйствѣ, выдѣлывается дома. Гончарный станокъ устраивается такъ: въ прочную скамейку вдалбливается цилиндръ *а*; нижній стержень его *б* входитъ въ скамейку, на верхній же насаживается крестъ *в*, на которомъ сидитъ деревянный кругъ *г*, могущій свободно вращаться на стержнѣ *д* (рис. 61).

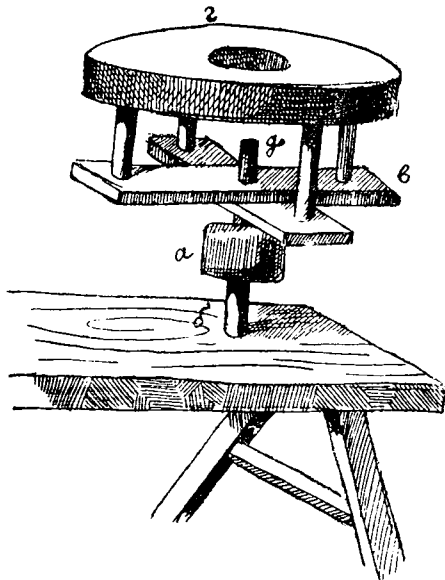

Рис. 61.

Работникъ садится верхомъ на скамейку, лицомъ къ станку, беретъ комокъ глины, смѣшанной съ пескомъ, кладетъ этотъ комокъ на впадину въ кругъ и, вращая кругъ, выдѣлываетъ руками горшокъ, третью его мокрой тряпкой, обравниваетъ деревяннымъ ножомъ и п.

Когда посудина готова, она ставится сперва на полицу (полавошникъ), потомъ на печь, чтобы подсохла, наконецъ, кладется въ печь, тутъ-же въ избѣ, въ огонь для обжиганія. Когда посуда накалится въ огнѣ до-красна, въ корыто наливаютъ воды и разбалтываютъ въ ней жидко ржаную муку. Въ эту жидкость кладется каленая посудина и поворачивается кругомъ. Это дѣлается съ цѣлью навести на поверхность пятнышки, единственно для украшенія.

Деревянная посуда. Чашки (для ѣды), ставцы, выдалбливаются изъ осины или березы посредствомъ долота и потомъ обтачиваются на станкѣ. Узоры дѣлаются красками; краски, кисти и лакъ—покупные. Кадцы и ушаты дѣлаютъ изъ ели, сосны и можжевельника, лопаты изъ осины, березы

или пихты; ложки изъ осины и березы. Лиственница ни на какия подѣлки не идетъ, такъ какъ очень тяжела.

Экипажи. Устройство деревенскихъ экипажей, не смотря на кажущуюся простоту, довольно сложно и понять это устройство скорѣе всего можно по моделямъ. Здѣсь же я ограничусь рисункомъ и описаніемъ однихъ дровней.

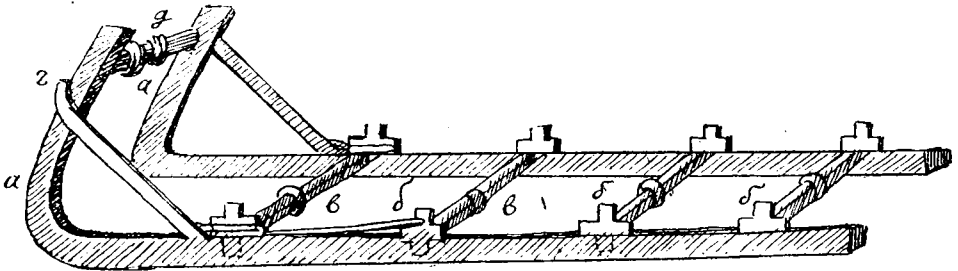

Рис. 62.

Основой дровнямъ служатъ два березовыхъ бруса, называемыхъ подѣлками и загнутыхъ напередѣ въ головку *а*. Въ каждый полозъ вколачиваются сверху по четыре копыла *б*. Каждые два противоположныхъ копыла связываются толстыми березовыми вицами, которые зовутся вязьѣ. Вязь перехватывается по срединѣ, для крѣпости, вичяными-же кольцами *в*. Для того, чтобы головка не разошлась, она стягивается чѣповицей. Это березовая вица, которая въ пунктѣ *г* удерживается зарубкою, огибаетъ головку и идетъ къ первому копылу, обвиваетъ и его, завязывается узломъ, а свободный конецъ ея прилегаетъ просто ко второму копылу. То же и на второй головкѣ. Свободные-же концы чѣповицъ между головками въ пунктѣ *д* сплетаются вмѣстѣ и образуютъ наговѣнникъ. Наговѣнникъ, для крѣпости, схватывается двумя вичяными кольцами (рис. 62).

Въ верхніе шпены копыловъ съ той и другой стороны дровень наколачивается нащепъ. Это—разрубленный продольно колъ, въ плоской сторонѣ котораго провернуты дырки; въ эти дырки и проходятъ верхніе шпены копыловъ, нащепъ служитъ для укрѣпленія дровней и для того, чтобы можно было класть поперекъ дровней солому или что другое подъ сидѣнье. Наконецъ, къ каждому изъ двухъ переднихъ копыловъ прикрѣпляется завѣртка—кольцо изъ березовыхъ вицъ, въ которое вкладывается оглобля.

Дровни могутъ быть превращены въ подшевни. Для этого къ нащепамъ прикрѣпляются дуги отверстіями кверху и околачиваются липовыми лубками. Подъ этотъ полукруглый кузовъ прикрѣпляются брусъ въ видѣ треугольника *а*,

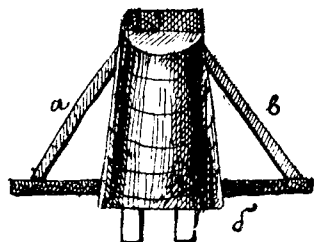

Рис. 64 (видъ сверху).

б, в, называемаго кряквой (въ Вологдѣ отводни); они служатъ для того, чтобы не давать дровнямъ опрокидываться (рис. 63).

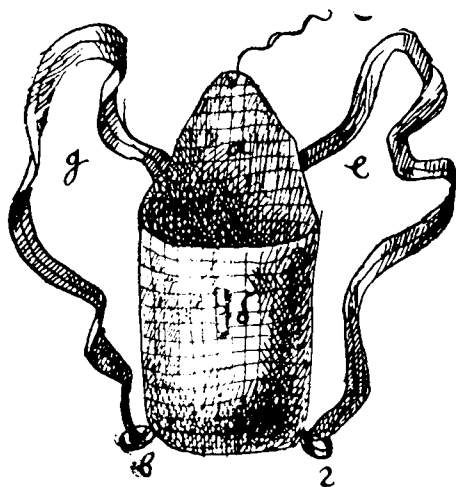

Рис. 64.

Рис. 65.

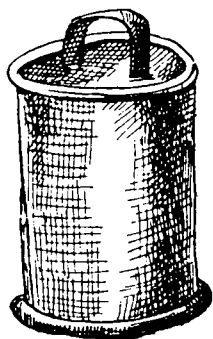

Рис. 66.

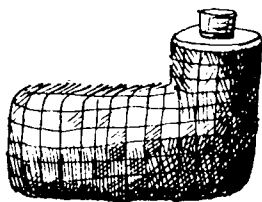

Рис. 67.

Изделия из бересты: лапти, кузова.

Кузовъ плетется изъ берестяныхъ лентъ и бываетъ обыкновенно формы сжатого цилиндра. Треугольная часть а загибается впередъ и тесемкой привязывается къ клечки б, закрывая кузовъ. Къ петлямъ в и г привязываются концы полотенца, которое серединой проходитъ въ третью петлю на на спинкѣ кузова. Несущій кузовъ продѣвастъ руки въ мѣстахъ д и е и надѣваетъ кузовъ на спину. Въ кузовахъ носятъ губы (грибы), ягоды и хлѣбъ на поженю (рис. 64).

Кромѣ лаптей и кузововъ изъ бересты плетутся ступни (рис. 65) — родъ калошъ или вѣрнѣе туфель, которыя надѣваютъ, выходя изъ дому ненадолго, въ сырое время, или въ стаю къ скоту. Ступни не имѣютъ обрвовъ, т. е. бичевовъ, которыми привязываются къ ногамъ лапти, а держатся сами, благодаря возвышенному подъѣму. Туюсь (рис. 66) сшивается изъ двухъ кусковъ бересты, имѣетъ

видъ правильнаго цилиндра съ загнутыми краями, въ которые пропущены березовыя вицы. Дно и крышка деревянныя и въ крышку вставляется деревянная-же ручка. Въ туюсахъ носятъ преимущественно молоко. Туюсокъ — маленькій туюсь, часто покрытый рѣзбой и раскрашенный разными красками; въ туюсахъ носятъ масло, сметану и т. п. Наконецъ, изъ бересты же плетутся солоники (рис. 67) — сосуды для храненія соли.

Изделия изъ драни. Изъ сосновой драни плетутся короба (рис. 68), въ нихъ хранятъ бѣлье, лентъ и т. п. Корзины съ ручкой круглыя (рис. 69) и квадратныя (рис. 70), наконецъ, половики — плетенье изъ дранокъ въ

видѣ ковра, кладется подѣ свѣтлыно, чтобы падающіе отъ лучины угли не портили пола.

Корневья издѣлія—плетеныя изъ тонкихъ сосновыхъ корней корзинки и чашки для ковригъ (короноватыя).

Тканье кушаковъ. Женщины ткутъ кушаки и поясьё—пояски для подвязыванія рубахъ и сарафановъ, изъ чистой шерсти и съ прибавкой шелку. Ткутъ и сѣтки, т. е. шарфы на шею.

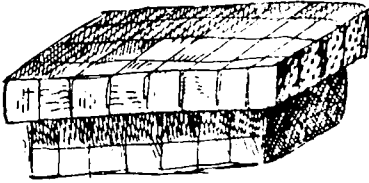

Рис. 68.

Рис. 69.

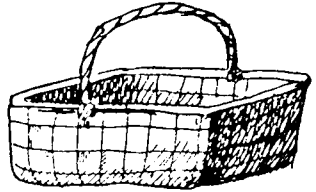

Рис. 70.

Вязанье перчатокъ, рукавицъ и чулокъ.

Тканье матерій—пестряди на сарафаны и рубахи, холста, полотна (холстъ ткется изъ льняныхъ оческовъ, а полотно изъ чистаго льна), мѣшковъ изъ конопляныхъ нитокъ, сукманины на пиджаки и на казачины.

Вышиванье. Вышивки въ узоръ на рубахахъ, фартукахъ, полотенцахъ. Шьютъ гарусомъ (покупною шерстью), шелкомъ и нитками—синими и красными—покупными и домашними (красятъ въ фуксинѣ и въ сандалѣ).

Катальный промыселъ. Катаютъ катаники (валенки), шляпы, калоши, подхомутники (войлока подѣ хомуты).

Сапожный—сапоги и башмаки. Кожа покупная.

Портняжный—работаютъ у себя дома и ходятъ по вызову въ деревни.

Столярный—столяры домашніе.

Желѣзные издѣлія—ведра, ковши, гвозди, подковы, топоры, косы, ральники, ножи, ножницы, замки.

Затѣмъ, существуютъ еще промыслы: кружевной, колесный, шорный (сбруя, возжи), кожевенный (кожи, овчины), игрушечный (деревянные и глиняные игрушки), роговой (гребни, гребенки), щетинный (выдѣлка щетины, изготовленіе щупахъ, един. щупаха—инструментъ, которымъ чупашать шерсть и чешутъ ленъ) и щетей.

С в а д ь б а.

Разсказчикъ началъ было вести свое повѣствованіе въ 1-мъ лицѣ, но необходимость отвѣчать на предлагаемые мною вопросы заставила его

перейти къ разсказу въ 3-мъ лицѣ. Отъ этого разсказъ утратилъ нѣсколько въ оригинальности, но за то выигралъ въ подробностяхъ.

„Отецъ не принуждалъ меня жениться и ничего даже не говорилъ. Я самъ сказалъ ему, что пойду смотрѣть дѣвкъ. Онъ сказалъ: поди. Я поѣхалъ недалеко отъ насъ въ деревню къ двоюродному брату и съ нимъ пошелъ на игрище. Самъ не игралъ, а сидѣлъ и смотрѣлъ. Тутъ зачали одну дѣвку хвалить, она мнѣ поглянулась.

Это было въ первый день Рождества, а на другой мы съ отцомъ и матерью поѣхали „сватомъ“. Заѣхали къ брату, взяли его и потомъ въ домъ къ невѣстѣ. Она ничего не знала и ея не было дома. Они были люди не бѣдные. Мы съ отцомъ и матерью остались на улицѣ, братъ зашелъ сперва одинъ. Зашелъ и спросилъ: будете ли отдавать дѣвку? Они сказали: будемъ. Братъ вышелъ и кликнулъ, мы и вошли въ избу. Отецъ и братъ стали сватать дѣвку, цѣной сходиться. Я запросилъ 80 руб., а онъ (отецъ невѣсты) сталъ давать 45; я пятишникъ сбросилъ и онъ далъ 55; я на 70, а онъ 65. Я за вѣнчанье заложилъ еще 3 р., попу за полотно 20 аршинъ, попадѣ платокъ шитый 50 к., и это на себя снялъ. Онъ и далъ 70 рублей.

Тутъ пришла невѣста и, ушла къ печѣ (т. е. за занавѣску, въ куть). Я сталъ требовать пить, она подала квасу братынѣ. Я не пилъ (ужъ не до квасу было), она поднесла моему отцу и матери и ушла къ печѣ.

Тогда стали молиться Богу, т. е. мы съ дѣвкой стали рядомъ. Никакой молитвы мы не читали (я не знаю ни одной)¹⁾, потомъ стали молиться отцы, потомъ матери.

Послѣ молитвы мы получили задатку пять или десять рублей, потомъ сѣли пить чай. Дѣвка разливала чай у печи и подносила; потомъ сѣла со мной рядомъ“.

Въ это время женихъ снимаетъ у невѣсты съ пальца перстень. Послѣ чаю сейчасъ же ужинъ; за ужиномъ женихъ и невѣста сидятъ рядомъ; когда ужинъ конченъ, гости уѣзжаютъ домой.

Дня черезъ три женихъ со всѣмъ домомъ ѣдетъ къ невѣстѣ на смотрины. Сперва сидятъ, пьютъ чай, ужинаютъ, затѣмъ начинаютъ играть. Пѣвицы опѣваютъ невѣсту. За опѣванье пріѣзжіе даютъ денегъ—невѣстѣ серебра, а пѣвицамъ мѣди. Во время ужина женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола играть „крѣгомъ“ (хороводъ), дѣвки и ребята тоже пляшутъ. Послѣ ужина и игры ѣдутъ домой. Невѣста провожаетъ жениха на улицу, или пробѣзжаетъ съ нимъ съ четверть версты.

Дня черезъ четыре женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ отдавать сдарище, т. е. подарки, какъ ей, такъ и всей ея роднѣ: отцу, братьямъ и хрѣсному

¹⁾ Опять хвастаетъ и рисуется своимъ позитивизмомъ.

по ситцевой рубахѣ и штанамъ, матери рубаху со становиною, шаль или полупалокъ, хрѣсной шаль.

Каждый разъ, какъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ, везетъ съ собою гостинцы: конфеты, пряники, крендели, которые и отдаетъ ей, идетъ къ ней къ печѣ (т. е. за занавѣску), тутъ сидятъ вдвоемъ и разговариваютъ.

Въ третій разъ, собираясь къ невѣстѣ, женихъ беретъ съ собою однихъ домашнихъ и ѣдетъ съ вѣстью о томъ, что завтра будетъ дѣвишникъ. Тутъ передаетъ ей сдарице на сарафанъ или на рубаху и уѣзжаетъ.

На слѣдующій день утромъ онъ беретъ всю свою родню, наряжается и ѣдетъ къ невѣстѣ. Предварительно онъ назначаетъ дружку, подвозскаго (товарища себѣ, обязанность котораго рѣзать пироги и т. п.). Когда женихъ выѣзжаетъ изъ дому, дружка спрашиваетъ его приказа: „сворачивать ли стрѣчнымъ?“ Онъ обыкновенно отвѣчаетъ: не сворачивать, и тогда поѣздъ никому не даетъ даже и полъ-дороги.

У воротъ дома невѣсты происходитъ остановка, потому что дружка говоритъ „наговоръ“. Жениха встрѣчаютъ съ братынью пива или квасу и съ двумя „пирогамъ хлѣба“.

Женихъ входитъ въ избу, раздѣвается и садится за столъ, усаживаются и гости съ его стороны, а невѣсту въ это время наряжаютъ въ голбцѣ. Прислуживаетъ ей сваха, пріѣхавшая съ женихомъ.

Когда невѣста готова, ее выводятъ изъ голбца, и она становится у печи. Женихъ кладетъ дружкѣ на тарелку зеркальце, мыло, гребень, коты и чулки. Дружка передаетъ все это невѣстѣ съ наговорами. Затѣмъ, невѣста молится Богу, здоровается съ жениховой родней и идетъ къ столу. Женихъ беретъ ее за руку и обводитъ вокругъ стола. Передъ тѣмъ какъ сѣсть, женихъ съ невѣстой долго „перепираются“: каждому хочется сѣсть первому, потому что кто сядетъ первый, тотъ будетъ потомъ „больничать“. При этомъ женихъ наблюдаетъ, чтобы невѣста, сѣвши, не присѣла его казачину, т. е. надѣтую на немъ суконную оболочку съ борами.

Передъ женихомъ и невѣстой стоитъ на столѣ коврига съ солоницей и бѣлая булка.

Отецъ невѣсты подноситъ водку. Женихъ и невѣста выпиваютъ, по полъ-рюмкѣ. Это зовется обмываніемъ губъ. Тогда раскрываютъ столы, т. е. снимаютъ прочь полотенца, которыми были закрыты кушанья, и всѣ садятся за столъ.

Кушанья за столомъ: пирогъ съ рыбой, щи и студень. Передъ студнемъ всѣ встаютъ и читаютъ молитву „Отче нашъ“. Послѣ этого можно и пѣть пѣсни. Женихъ начинаетъ раздавать подарки своей роднѣ, кромѣ домашнихъ, которые получаютъ подарки дома послѣ „умыванья“. Подарки

разносить невѣстинъ братъ. Кого женихъ дарить, тому отецъ невѣсты подноситъ по стакану водки. Послѣ этого сидятъ за столомъ еще часа два. Отказомъ на обѣдѣ считается сырое молоко въ чашкѣ, а въ постный день ягоды. Женихъ накрываетъ невѣсту шалью и ее уводятъ въ голбецъ наряжать къ вѣнцу. Когда она готова и вышла, снова садятся за столъ и дружка говоритъ „наговоръ“. Когда онъ кончилъ, всѣ встаютъ и молятся. Женихъ и невѣста выходятъ, а мать и отецъ невѣсты садятся на ихъ мѣсто и сидятъ; посидѣвъ, встаютъ. Отецъ беретъ икону и благословляетъ жениха и невѣсту, затѣмъ, мать беретъ пшеничную булку и благословляетъ ея. Невѣста кланяется матери въ поясъ, а женихъ „въ груди“. Булку невѣста увозитъ съ собой, чтобы потомъ „не тоскнуть“ объ родномъ домѣ.

Поѣздъ отправляется прямо въ церковь. На первой лошади кто нибудь, по назначенію жениха, везетъ икону, за нимъ слѣдуетъ женихъ съ хрестнымъ-тысяцкимъ, потомъ невѣста со свахой, потомъ родня. Дружка провожаетъ поѣздъ съ полверсты и, послѣ „наговора“, возвращается.

Въ церкви сперва производится обыскъ, т. е. дьяконъ или пономарь записываютъ невѣсту въ книгу. Затѣмъ слѣдуетъ вѣнчанье.

Во время вѣнчанья замѣчаютъ (бабы): если у молодой вѣнецъ „стемнѣть“, это значить, что она „гуляла“ въ дѣвкахъ, а если у молодого, то онъ гулялъ будучи парнемъ. Также, когда пріѣдутъ домой отъ вѣнца, то у котораго изъ молодыхъ раньше погаснетъ вѣнчальная свѣчка, тотъ раньше и умретъ.

Изъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха,—теперь уже «молодого». Встрѣчаютъ дружка, отецъ и мать съ хлѣбомъ и квасомъ. Молодой беретъ ковшъ, зачерпываетъ квасу, „выздымаетъ“ руку съ ковшомъ—первый разъ невысоко, выливаетъ квасъ въ братынь, зачерпываетъ снова, поднимаетъ повыше, выливаетъ, опять зачерпываетъ и въ третій разъ поднимаетъ на длину руки и выпиваетъ квасъ.

Входятъ въ избу. Здѣсь отецъ и мать молодого благословляютъ мужа и жену—сперва иконой, потомъ хлѣбомъ. Молодые кланяются сперва въ поясъ, потомъ въ ноги. Садятся за столъ, но не ѣдятъ, а ждутъ невѣстиной родни. Когда она пріѣдетъ, ее встрѣчаютъ съ виномъ и пивомъ. Это зовется почетники. Когда всѣ усядутся, раскрываютъ столы. Отецъ и мать молодого подносятъ молодымъ по стакану водки, тогда молодой разрѣшаетъ подавать „по всѣмъ“ водку, т. е. бабамъ и мужикамъ.

Подаютъ сперва пирогъ съ рыбой, потомъ щи, потомъ студень. Послѣ студня тысяцкій читаетъ „Отче нашъ“. Тогда молодой „скрываетъ“, т. е. снимаетъ платокъ съ лица жены и самъ подноситъ водку ея роднѣ. За-

тѣмъ ѣдятъ разную рыбу, картошку на латкахъ, пироги сладкіе и молоко (отказъ).

Тысяцкій беретъ икону и идетъ съ нею впередъ на подклѣтъ, гдѣ приготовлена постель для молодыхъ; молодые слѣдуютъ за нимъ. Тутъ они еще ужинаютъ; подаетъ имъ мать. Къ ужину молодой приглашаетъ тѣхъ изъ гостей, которые «любы», затѣмъ ложатся спать. Молодая разуваетъ мужа, вынимаетъ серебро, положенное имъ заранѣе въ сапогъ, и беретъ эти деньги себѣ.

На другое утро, часовъ въ 8 или 9, дружка приходитъ будить молодыхъ, и они идутъ пить чай въ избу.

Послѣ чаю происходитъ обрядъ „умыванья“. Умываются всѣ, кто ѣздилъ за невѣстой съ женихомъ. Они кладутъ деньги „на умыванье“ въ тарелку, которую держать хрѣсная. Самъ молодой кладетъ цѣлковый. Деньги эти идутъ молодой.

Затѣмъ молодой начинаетъ дарить своихъ домашнихъ: мать рубахой, отцу, братьямъ и хрѣсному даетъ по рубахѣ и штанамъ. Послѣ этого всѣ садятся обѣдать.

Когда обѣдъ конченъ, молодыхъ снова ведутъ на подклѣтъ, а въ это время лишніе гости разѣзжаются и передъ отъѣздомъ приходятъ къ молодымъ прощаться. Молодой угощаетъ ихъ водкой. Когда гости разѣдутся, молодые съ оставшимися пьютъ чай, потомъ ужинаютъ.

Женина родня живетъ обыкновенно въ домѣ у молодого дня четыре. На пятый день молодые ѣдутъ со всей мужниной родней къ женинымъ родителямъ „на блины“. Тутъ молодые гостятъ дня 4—5, вымоются въ банѣ и возвращаются домой. Провожаетъ ихъ женинъ отецъ.

Дня черезъ 3—4 женина родня ѣдетъ къ молодымъ на кочень, пируютъ дня два и одариваютъ молодыхъ и ихъ домашнихъ.

Черезъ недѣлю молодые снова ѣдутъ со всѣми домашними къ жениной роднѣ на сыръ ¹⁾; гостятъ здѣсь дня 3—4, причемъ молодой одариваетъ весь домъ.

Женино приданое состоитъ изъ денегъ; иной отецъ даетъ скотомъ; ежели есть крѣпостная земля, подписываетъ землей, а если мужчина идетъ въ домъ къ дѣвкѣ, то отецъ дѣвки подписываетъ ему половину имуществъ.

Если отца жениха или невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то отца замѣняетъ отецъ крестный, а мать родную—крестная, или отца замѣняютъ дядья или братья, а родную мать—тетки или сестры замужнія.

¹⁾ Прежде эти поѣздки на блины, на кочень, на сыръ сопровождались, вѣроятно, извѣстными обрядами, теперь же остались одни названія.

Свадьбы сиротъ или незаконнорожденныхъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ свадебъ; на свадьбахъ вдовьихъ тоже не бываетъ никакихъ отличій.

Правило—никого ничѣмъ не ссужать во время приготовленій къ свадьбѣ соблюдается, пока все не кончится.

Когда молодая забеременѣтъ, то замѣчаютъ: если брюхо у нея острое, то она родитъ мальчика, если нѣтъ, то дѣвочку; если лѣвая титька больше—будетъ „ребенокъ“, т. е. мальчикъ, если правая, то „дѣвка“.

Разрѣшается отъ бремени женщина въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ народу, напр. на повѣти, на назѣму. Деревенскихъ повитухъ приглашаютъ, а городскую акушерку—„нѣтъ моды“. Мужъ обыкновенно присутствуетъ при родахъ и поить жену, т. е. даетъ пить изъ своего рта. При трудныхъ родахъ мужа заставляютъ ослабить или развязать свой поясъ, а иной и вовсе скидываетъ его; отпираютъ замки и отворяютъ женины сундуки; берутъ ключи, опускаютъ ихъ въ воду и этой водой поятъ родильницу; зажигаютъ вѣнчальные свѣчи.

По окончаніи родовъ родильницѣ даютъ капусту, ягоду или грибовъ соленыхъ. Встаетъ она съ постели обыкновенно на третій день. Кормитъ мать ребенка съ годъ, иная полтора, даже до двухъ лѣтъ.

Изъ семейныхъ отношеній.

Раздѣлъ бываетъ или противъ воли отца или съ его согласія. Причины раздѣла весьма различны. Пословица говоритъ: „нонѣ дѣлятся съ отцомъ роднымъ: охота говядину крошить самимъ“. Чаще всего раздѣлы происходятъ изъ за бабьихъ ссоръ. Если сынъ выходитъ изъ дому противъ воли отца, то не имѣетъ права ничего требовать, и судъ ему ничего не присудитъ, если бы онъ къ нему и обратился. Отецъ можетъ до трехъ разъ „опродать“ самовольно выдѣлившагося сына, т. е. продать данный ему домъ, скотъ и все что угодно; судъ это допускаетъ, но за третьей продажей власть его прекращается, и выдѣлившійся становится совершенно свободнымъ.

Если выдѣлъ происходитъ съ согласія отца, то онъ благословляетъ сына иконой, и икона эта остается у сына. Онъ говоритъ при этомъ: «во имя Отца и Сына и св. Духа, поди съ Богомъ».

Когда происходитъ дѣлежъ, имущество оцѣниваютъ сами. Если напр. корова плоха, то къ ней «прикладываютъ» овецъ или чего другого. Части распредѣляются по жребію. Кидаютъ рукавицу, сколько «паей» (паевъ), столько и рукавицъ; въ каждую рукавицу кладется что нибудь—щепка.

уголекъ и т. п., какъ условный знакъ. Непричастный дѣлежу чловѣкъ раскладываетъ эти рукавицы по грудамъ вещей, назначенныхъ къ дѣлежу.

Домѣ дѣлятся по волѣ отца. Онъ отдаетъ домъ тому сыну, которому пожелаетъ, а другой получаетъ деньгами стоимость половины дома. Долги семейные дѣлятся поровну между дѣлящимися, также подати и повинности. Приговоръ дѣлается въ обществѣ и посылается въ волостное правленіе для подписанія.

Дочери, оставшіяся по смерти отца, никогда не дѣлятся, это неслыханная вещь. Если по смерти отца останутся сыновья съ женами и они дѣлятся, то жены не при чемъ, — «дѣло не ихнее», а если жены остаются однѣ, то дѣлятся такъ же, какъ и мужчины, «только у нихъ шуму больше».

Если у мужика жилъ его племянникъ, то при выдѣлѣ онъ получаетъ половину дома, родные же сыновья мужика не при чемъ: «племянникъ беретъ на своего покойнаго отца».

Сестры при братьяхъ не наследуютъ. Братья не обязаны ихъ содержать, но онѣ живутъ съ братьями, эти ихъ и замужъ выдаютъ.

Если по смерти отца останутся однѣ дочери, то онѣ наследуютъ все. Мать, если она жива, наследуетъ вмѣстѣ съ дочерьми. Послѣ умершаго бездѣтнымъ сына наследуютъ отецъ и мать.

Если жена умерла бездѣтною, то оставшееся послѣ нея имущество отдается сестрамъ покойницы.

Выручка за мелкіе заработки въ праздничное время отдается отцу или тому, кто ведетъ хозяйство. Если мужъ ушелъ на заработки, жена вправе требовать отъ него денегъ на уплату податей и на жалованье казаку, но болѣе ни гроша.

Казаки никогда не бываютъ близокъ къ дому и не живутъ въ семьѣ. Это наемный работникъ съ лошадыю, обязанность котораго дѣлать всю годовую работу. Ему платятъ 9 р. съ души; онъ ѣстъ, пьетъ и ночуетъ дома. Работникъ же живетъ въ семьѣ, ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ прочими. Ему платятъ 25—30 р. въ годъ, за лѣто же (съ Пасхи до Покрова) 15—16 рублей.

Увеселенія и игры.

Въ дер. Марковѣ и сосѣднихъ съ нею молодежи не собирается на „вечеринки“, „бесѣды“, „посидѣнки“, какъ въ другихъ уѣздахъ губерніи, — „къ намъ не дошла еще эта мода“, пояснилъ рассказчикъ. Исключеніе составляютъ лишь рождественскіе праздники, именно первые три дня рождества, новый годъ и крещенье. Тутъ собираются въ какойнибудь избѣ и „играютъ“, „ходятъ

кругомъ“, т. е. парни и дѣвки берутся за руки, составляютъ кругъ, ходятъ и поютъ, или же безъ пѣнія вертятся подъ звуки гармоніи. При этомъ женихи обыкновенно высматриваютъ невѣсть, т. е. намѣчаютъ себѣ дѣвушекъ, на которыхъ потомъ и женятся.

Игры устраиваются не на средства того домохозяина или хозяйки, которые позволяютъ собираться въ своемъ домѣ играющимъ, а на сборныя, посредствомъ такъ наз. брѣтчины. Домохозяинъ самъ собираетъ эту братчину, при чемъ каждый парень и дѣвка, желающіе участвовать въ играхъ, даютъ ему по пирогу и по 1 ф. муки на квасъ. Парни, кромѣ того, ежедневно жертвуютъ по 1 коп. на свѣчи. Игры начинаются обыкновенно послѣ обѣда, т. е. съ 12 ч. дня и продолжаются до 7—8 ч. вечера. Тутъ ужинаютъ, при чемъ дѣвки садятся на лавки, а парни на скамьи напротивъ. Послѣ ужина игры возобновляются и длятся до 2—3 ч. утра. Если посторонніе парни, т. е. не участвующіе въ братчинѣ, желаютъ играть и ужинать, то платятъ хозяину каждый по 5 коп.

Маскированіе и сами замаскированные особыхъ названій не имѣютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Тотмѣ, маскированные, ходящіе днемъ по улицамъ города, зовутся кудесами). Наряжаются только въ первые три дня Рождества и ходятъ на игры по домамъ. Отдѣльныя лица чаще всего надѣваютъ на себя вывернутый на изнанку полушубокъ, а на лицо маску. Маски изъ папье-маше покупаются въ Устюгѣ.

Но устраивается и слѣдующая игра. Одинъ парень замаскировывается лошадыю, такъ именно: на голову прежде всего кладется прялка, при чемъ лопасть ложится вдоль по спинѣ, а копылъ приходится на затылокъ и на темя и торчитъ надъ лбомъ впередъ, что придаетъ головѣ нѣкоторое подобіе лошадиной. Лопасть прялки на спинѣ скрыта вывернутымъ на изнанку полушубкомъ, копылъ-же лежитъ на головѣ открыто. На шею надѣвается хомутъ (настоящій) такъ, что онъ приходится поверхъ полушубка и лопасти прялки; на лицѣ страшная маска. Поверхъ всего на голову накидывается узда, а на спину шлея. Этотъ человѣкъ составляетъ собственно переднюю половину лошади. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него за спиной становится другой человѣкъ, тоже закутанный въ вывернутый полушубокъ и въ маскѣ, но безъ всякихъ другихъ принадлежностей. На которое нибудь плечо передняго и задняго человѣка кладется палка, которая ихъ, такъ сказать, соединяетъ. На палку садится верхомъ третій парень, замаскированный старухой—въ сарафанѣ и платкѣ, со старушечьей маской на лицѣ. Наконецъ, впереди коня идетъ четвертый человѣкъ, все тѣло котораго завернуто въ два сшитыхъ вмѣстѣ полушубка мѣхомъ вверхъ, маски же на немъ двѣ—одна на лицѣ, другая на затылкѣ.

Вся эта группа, т. е. янусъ, лошадь (изъ двухъ человѣкъ) и амазонка вступаютъ въ избу, гдѣ происходитъ игра и амазонкѣ подають въ руку зажженую свѣчу, съ которой она и ѣдетъ по избѣ, здороваётся съ хозяевами, пугаетъ дѣвокъ и затѣмъ начинаетъ плясать. Пляшутъ, собственно, лошадь т. е. два человѣка, ее составляющіе и жожакъ, старуха-же остается на своемъ мѣстѣ, т. е. верхомъ на палкѣ, при чемъ, конечно, съ большимъ трудомъ сохраняетъ равновѣсіе. Затѣмъ, всѣ идутъ опять къ хозяевамъ и спрашиваютъ:

— Пригласите ли завтра потанцевать съ вами? Хозяева отвѣчаютъ: милости просимъ, приходите.

Въ эти же три дня Рождества носятъ по игрищамъ чучелу.

Чучела дѣлаются такъ. Берутъ бревно вершковъ пять въ діаметръ и три аршина длиной и вырубаютъ изъ него подобіе человѣка, какъ показано на рисункѣ 71, но безъ рукъ (руки дѣлаются потомъ изъ одежды), ступни же вырубаются отдѣльно и вдальбливаются въ ноги. Лицо раскрашивается красками, при чемъ ему придается по возможности страшное выраженіе. На ноги надѣваютъ катанники, на тѣло сарафанъ, а на шею кофту. Изъ рукавовъ кофты дѣлаютъ руки. На затылокъ чучелы приколачиваютъ распущенный лошадиный хвостъ (хвостъ этотъ заранѣе еще лѣтомъ отрѣзываютъ у какойнибудь чужой забѣглой лошади, выбирая такой, который подлиннѣе и покрасивѣе) на голову надѣвается бабья морхатка, состоящая изъ околыша, завязываемаго назади ленточками и пришитаго къ краямъ его колпачка, выдающагося впереди пузыремъ и спускающагося постепенно къ затылку, подъ лентами же привѣшиваютъ колокольчикъ съ веревочкой у языка; въ этотъ колокольчикъ потомъ и звонятъ.

Внеся чучелу въ избу, ее ставятъ въ передній уголъ на полъ. Дѣвки до того боятся чучелы, что зачастую всѣ убѣгаютъ изъ избы.

Чучелу берегаютъ до слѣдующаго года, иногда и дольше. Лѣтомъ, когда на заливные луга собираются изъ окрестныхъ деревень дѣвки для сбора дикаго чеснока (онѣ зовутся чесноковками), то парни, чтобы поугатъ ихъ, вытаскиваютъ чучелу, кладутъ ее на телѣгу и везутъ на лугъ. Дѣвки, увидавъ ее, разбѣгаются.

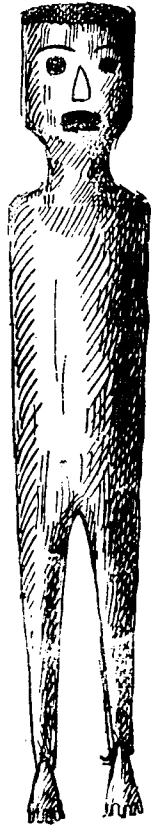

Рис. 71.

Зимою же устраиваются ледяныя горы на рѣкѣ или гдѣнибудь на озерѣ.

Гора дѣлается такъ: въ ледъ вдальбливаются и примораживаются къ

нему четыре столба, аршина по 4 высоты, такъ, что приходится въ углахъ квадрата. Столбы эти скрѣплены по два брусьями, входящими въ выемки на вершинѣ столба; на эти столбы и брусья кладется помость, или просто дверь. Такимъ образомъ, получается вышка. Съ одной стороны на вышку ведетъ

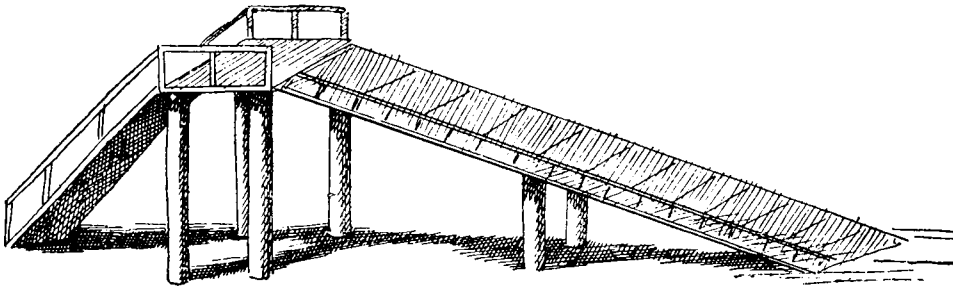

Рис. 72.

лѣстница съ перилами, которыя продолжаются до другой стороны площадки, а съ противоположной спускаются наклонно три толстыхъ жерди, подпертыя по срединѣ столбиками. На эти жерди укладываются льдины и поливаются водой, а по краямъ ихъ примораживаются сверху жерди, служащія для того, чтобы санки, скатывающіяся по горѣ, не слетали въ сторону (рис. 72).

Рис. 73.

Другого рода катушка устраивается проще, но скатываніе по ней представляется дикую и опасную забаву. Именно, къ краю крутого берега озера или рѣки представляются двѣ не толстыхъ жерди, которыя наклонно и параллельно другъ другу спускаются на ледъ; жерди эти поливаются водой и катушка готова. Двое парней становятся на жерди лицомъ другъ къ другу и скатываются внизъ (рис. 73).

По замѣчанію рассказчика, на такого рода катушкахъ люди нерѣдко ломаютъ себѣ ноги, и тутъ же приведенъ примѣръ, что одна дѣвка, скатываясь стоя,

сорвалась, сломала себѣ ногу и, по излѣченіи, осталась на всю жизнь хромою, изъ за чего и не вышла замужъ, такъ какъ дѣвицы съ физическими недостатками (хромья, кривыя, косыя) никогда не находятъ себѣ жениховъ.

По этимъ же двумъ жердямъ скатываются и на боронѣ. Борона кладется на шесть вверхъ зубьями, по срединѣ усаживаются дѣвки, парни становятся по краямъ, размѣщая ноги между зубьями бороны, всего человекъ до 8-ми, даже до 10-ти и скатываются внизъ.

Въ шаровое заговѣнье (т. е. передъ Петровымъ постомъ) катаютъ яйца. Яйца предварительно окрашиваютъ въ луковыхъ перьяхъ, сандалѣ или фуксинѣ и передъ какой нибудь избой поперекъ улицы кладутъ яйца на землю по прямой линіи въ разстояніи четвертей трехъ одно отъ другого. Саженьхъ въ 50 отъ яицъ кладется поперекъ дороги жердь, у которой становятся играющіе и одинъ изъ нихъ беретъ въ руки мячъ. Мячъ этотъ скатывается изъ овечьей шерсти, вѣсомъ фунта три. Если мячъ, будучи брошенъ по направленію къ линіи яицъ, попалъ въ которое нибудь изъ нихъ, это яйцо становится собственностью выбившаго его и онъ имѣетъ право катить мячъ вторично. Если мячъ проскочить, не задѣвъ ни одного яйца, его беретъ и бросаетъ другой и т. д.

Игра въ бабочки (т. е. бабки, костыги).

Ставятъ на землю попарно столько паръ бабочекъ, сколько играющихъ, т. е. всякій ставитъ свою пару. Эта линія бабочекъ зовется кономъ. Передъ началомъ игры каждый кидаетъ передъ собою на землю одну бабочку. Если она упадетъ на плоскую сторону, это зовется клѣчка, если на выпуклую—жокъ, если на вогнутую—нѣка. Первые бьютъ клѣчки, вторые—жоки, третьи нѣки. Чья клѣчка упала всѣхъ дальше отъ кону, тотъ бьетъ первый. Та бабочка, которой бьютъ, зовется битокъ; она побольше другихъ и иногда наливается свинцомъ. Если бросившій битокъ выбилъ изъ линіи или просто уронилъ одну пару или сколько бы ни было бабочекъ, берутъ ихъ себѣ. Затѣмъ, бьетъ другой и т. д., пока не выбьютъ всѣхъ. Этимъ партія кончается.

Колобки. Разница этой игры отъ предыдущей въ томъ лишь, что вмѣсто битка здѣсь употребляется желѣзная плитка плоская, овальной формы. вершка 2—3 величиной, имѣющая видъ колобка.

Плитки. Та-же игра, только вмѣсто колобка бьютъ деревянной дощечкой, длиною съ четверть, имѣющей тоже овальную форму.

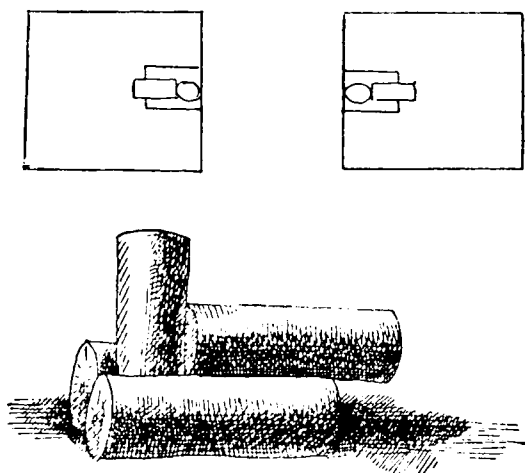

Рис. 74.

Рюхи. На ровномъ мѣстѣ на улицѣ чертятъ палкой два квадрата въ разстояніи саженой 50 одинъ отъ другого. Пространство внутри этихъ квадратовъ зовется городомъ. Рюхи—сосновые цилиндрическіе обрубки укладываются по 4 штуки въ каждомъ городѣ такъ, какъ показано на рис. 74. Затѣмъ, двое изъ играющихъ берутъ въ руки палку и начинаютъ мѣряться или гадать, т. е., держа палку

вертикально, обхватываютъ ее рукою попеременно. Чья рука окажется наверху послѣднюю, тотъ становится маткой.

Съ цѣлью выровнять игроковъ, т. е., чтобы въ одной партіи не оказался перевѣсъ въ хорошихъ игрокахъ, распредѣляютъ ихъ по жребію. Каждый беретъ въ одну руку щепку, а въ другую травку, подходитъ къ маткѣ и спрашиваетъ: матка, матка, щепка или травка? Матка называетъ то или другое и, смотря по тому, что оказалось въ правой рукѣ—щепка или травка, игроки отходятъ къ той или другой партіи.

Когда, такимъ образомъ, партіи образовались, игру начинаетъ тотъ, кто желаетъ (количество бросаемыхъ однимъ игрокомъ палокъ зависитъ отъ угла) и кидаетъ палку отъ передней черты своего города. Если онъ вышибетъ изъ границъ непріятельскаго города хоть одну рюху, слѣдующій кидаетъ свою палку уже не отъ черты города, а отъ черты, проведенной на землѣ между городами въ одинаковомъ разстояніи отъ того и другого (25 саж.). Кидаютъ до тѣхъ поръ, пока не прокидаютъ всѣхъ палокъ, каждый играющій по разу. Если рюхи не вышиблены, т. е. осталась хотя бы одна, начинаетъ кидать палки другая партія и т. д., и та партія выигрываетъ, которая первая вышибетъ изъ непріятельскаго города всѣ рюхи. Если котораянибудь партія со второго раза вышибла всѣ рюхи, напр. тремя палками, то второй партіи разрѣшается кончать игру только тремя палками. Если этими тремя палками она рюхъ не вышибетъ, то возитъ своихъ противниковъ, т. е. отдѣльные игроки носятъ ихъ на спинѣ отъ города.

Попы. Такая-же игра, разница въ томъ лишь, что рюхи ставятся стоймя—четыре по угламъ и двѣ въ срединѣ города на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Игры „въ царѣ“, „юла“, „корова“ и „ѣрга“ описаны въ моей книгѣ „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“ и потому я ихъ здѣсь не привожу.

Нѣкоторыя повѣрья и примѣты.

Нечистая сила повсюду окружаетъ людей. Она дѣлится на разряды, имѣющіе свои названія, но изъ этихъ разрядовъ нѣтъ первенствующаго, такъ же точно, какъ и въ членахъ извѣстнаго разряда нѣтъ старшихъ, начальниковъ и т. п.; каждая особь существуетъ независимо отъ прочихъ и никому не подчиняется.

Ближайшій къ человѣку духъ есть домовой, имѣющій мѣстное названіе батѣмушки. Мѣсто жительства его всегда стая, т. е. скотный дворъ. Видятъ его очень рѣдко и если онъ является кому либо, то въ образѣ, напоминающемъ кошку. Его зовутъ еще „скотнымъ кормильцемъ“, потому что онъ ходитъ за скотомъ и кормитъ его. Если скотина ему не по дому, то онъ ей вредитъ всяко и даже губитъ. Если лошадь ему не нравится, то онъ гоняетъ ее ночью до того, что утромъ ее находятъ всю взмыленную и утомленную. Въ такомъ случаѣ, лошадь надо поскорѣе продать, что и дѣлаютъ. Въ домѣ, принадлежащемъ рассказчику, нельзя завести ни бѣлой лошади, ни бѣлой коровы, бѣлыя-же овцы батамушкой терпятся.

Одинъ старикъ-крестьянинъ пошелъ однажды въ стаю, чтобы дать лошади сѣна и вдругъ увидѣлъ домового. Испугавшись, онъ схватилъ вилы, но домовой, въ свою очередь, испугался и „ускочилъ“ въ дыру на повѣтъ, черезъ которую спускаютъ съ повѣти лошади и коровамъ сѣно. Оправившись отъ испуга, старикъ одумался, и, чтобы задобрить батамушку, связалъ ему самъ изъ бѣлой овечьей шерсти рукавицы, обѣ на лѣвую руку (потому что на правую домовой не возьметъ), положилъ эти рукавицы въ стаѣ и онѣ оказались унесенными.

Черти живутъ въ водѣ и выходятъ на сушу, входятъ въ дома и куда угодно. Сосуды съ какою бы ни было жидкостью нельзя оставлять непокрытыми, потому что чортъ непременно наладитъ въ псудину; если же покрыть нечѣмъ, то надо перекрестить.

Охранителемъ человѣка отъ козней чорта является ангелъ-хранитель, но не какъ ангелъ, а какъ самъ Иисусъ Христосъ и его мѣсто всегда по правую руку человѣка. Потому никто не позволитъ себѣ плюнуть или помочиться на правую сторону. Также и не льютъ никогда чего либо „на-обоко“, т. е.

держа, напр. ковшъ въ лѣвой рукѣ (если правая чѣмъ нибудь занята) не выльютъ воду направо-же, надо всегда налѣво.

Чортъ избобрѣлъ табакъ и водку, но никакихъ подробностей по этому предмету рассказчикомъ не сообщено.

Человѣкъ, знающійся съ чортомъ, есть колдунъ, но это вовсе не то, что шоптунъ, потому что „шоптунъ шопчетъ все только хорошее“; онъ есть врачъ, цѣлитель, а не злой и вредный человѣкъ, какимъ всегда является колдунъ.

Въ описываемой мѣстности колдуны есть, и не одинъ. Въ дер. Веткурьѣ былъ случай, что когда колдуну пришла „неминучая“, его стало до того „котдсать“, т. е. корчить, что его взяли (близкіе, родные, конечно, а не черти), втащили на крышу и уложили вдоль по князьку, но такъ какъ тутъ онъ кончиться не могъ, то сняли и положили у порога дома на улицѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Человѣкъ этотъ при жизни проявлялъ весьма замѣтно присущую ему злую силу. Когда онъ ловилъ рыбу, то можно было хоть подъ бокомъ у него „ладить ѣза“, рыба въ нихъ не попадала, тогда какъ его снасти всегда наполнялись рыбой: „дьяволъ ему нагонялъ“. И если другіе вытрясаютъ изъ снастей пойманную ими рыбу, а онъ подойдетъ и посмотритъ, то „ровно обрѣжетъ“ — рыба не будетъ больше попадать.

Колдуны заносятъ въ баню кикимору, по злобѣ, конечно. Что такое кикимора — рассказчикъ не могъ объяснить даже приблизительно. — „Изъ чего она существуетъ — я не знаю, а кто приноситъ, тотъ ужъ знаетъ“. Кладутъ кикимору къ стѣнѣ за камницу (т. е. за банную печь, которая всегда сложена изъ камней) и она, кикимора, никому уже не дастъ спокойно помыться: начнетъ пугать разными голосами.

Чтобы вывести кикимору „добираются человѣка, который имѣ завѣдуетъ“, т. е. колдуна или колдунью. Колдунѣ надо заплатить дорого — полтину, а то и рубль, а если колдунъ, то довольно бываетъ напоить его водкой. Если же этого не сдѣлать, то придется непременно переносить баню на другое мѣсто. Надо замѣтить, что бань не ставятъ на дорогѣ, на межѣ или „на крестѣ“ (т. е. на перекресткѣ) потому что лѣшій станетъ изъ нея выпугивать. Относительно мытья въ банѣ соблюдаются неукоснительно два правила: послѣ трехъ паръ (пара можетъ состоять и не изъ двухъ человѣкъ, а изъ большаго числа) не ходитъ мыться четвертая, потому что послѣ третьей пары начинаютъ мыться черти, и затѣмъ не ходятъ мыться на большіе праздники, потому что „пугаетъ“.

Водяной — водяной духъ, рыбный царь. „Гдѣ некрасивое, темное мѣсто, тутъ въ омутѣ и живетъ водяной. Купаться опасно: утащить за ногу или за

шею; если даже есть крестъ, то схватить за говитанъ. Парень одинъ утонулъ въ такомъ мѣстѣ купавшійся, его искали по четыре дня и когда вытащили, то увидѣли, что говитаномъ ему шею перерѣзало, а у горла на говитанѣ узелъ завязанъ“.

„Зимусь потерялся लेकरъ одинъ, искали его по три дня, въ это время отецъ его ѣздилъ и въ пяти церквахъ молебень служилъ, а послѣ трехъ дней перестали: правила такое, что по три дня ищутъ, а больше не ищутъ. Послѣ трехъ дней еще два дня рѣчку долбили (т. е. дѣлали проруби) и не нашли, а нашелъ мужикъ одинъ: около дороги лежитъ мертвый елками закиданъ. Когда поѣхали на то мѣсто съ понатыми—его нѣтъ. Нашли опять лѣтомъ въ рѣчкѣ, вокругъ камня обвернуть, ноги къ головѣ притянуты. Онъ являлся отцу своему—блѣзнилось отцу-то—и говорилъ: я замерзъ“.

Когда выловятъ рыбу, то водяному ничего назадъ не бросаютъ, потому что „онъ ее отпустилъ“.

„Есть у насъ одно озеро, въ которое лучше съ неводами не ѣзди, потому что водяной не даетъ рыбы, а накладываетъ полную матицу коневихъ гювень. У насъ въ это озеро мало-не-ѣздить ¹⁾), только тотъ поѣдетъ развѣ, кто не знаетъ“.

Лѣшій живетъ въ лѣсу и зачастую „водитъ“ людей, т. е. сбиваетъ съ дороги или съ тропы. Въ такихъ случаяхъ есть средство найти дорогу, именно переложить стельки изъ одного сапога въ другой; но средство это не всегда помогаетъ.

Лѣшаго можно вызвать, стоять только закричать: приди, лѣшій, посмотришь тебя охота! но опытъ этотъ весьма опасенъ.

Бабы поѣхали однажды съ ребятами въ лѣсъ за грибами и ягодами на трехъ лошадяхъ. Вечеромъ всѣ собрались у огня и стали ужинать. Ребята и начали звать лѣшаго. А онъ и идетъ, только лѣсъ трещитъ; огонь сталъ по землѣ разстилаться, кони рвутся начали. Бабы замолились, потомъ и ребята, онъ и ушелъ.

Нѣкоторые примѣты.

Если ножъ лежитъ на столѣ, когда обѣдаютъ и кто нибудь „ѣдетъ“ съ ложкой въ ставецъ (деревянное блюдо) черезъ этотъ ножъ, то „ножъ подѣ бока станетъ тыкать“.

¹⁾ Особый оборотъ рѣчи; значить: почти не ѣздить.

Если во время метенія пола обмести ноги парню, то теща не станет его блинами кормить.

Головня въ печи останется—первому гостю въ задницу.

Если по выходѣ изъ избы тотчасъ же на встрѣчу другой человѣкъ—не къ добру.

Если пѣтухъ поетъ не въ время, или курица запоетъ пѣтухомъ—дурной знакъ.

Бересту не жгутъ въ печкѣ—клопы заводятся; во избѣжаніе того-же не топятъ березовыми дровами. Чтобы вывести клоповъ, ждутъ перваго грома и когда его услышать, берутъ земли изъ подъ правой пяты и раскидываютъ эту землю въ избѣ, но такъ, чтобы никто этого не видѣлъ. Съ тою-же цѣлью старуха объѣзжаетъ домъ на помелѣ, когда заблаговѣстятъ къ христовской заутренѣ, но тоже не при людяхъ.

„Попъ въ домъ—клопъ вонъ“, говорятъ про себя хозяева, когда въ избу входитъ попъ, иногда же при этомъ парнишка, котораго „натакѣютъ“, т. е. заранѣе научатъ, поймавъ клопа и, забравшись на полати, ожидаетъ попа, и когда тотъ входитъ въ избу, спускаетъ незамѣтно клопа ему въ загривокъ. Отъ этого всѣ клопы пропадутъ.

Заговоръ отъ клоповъ: какъ у кокушки нѣтъ гнѣзда, такъ и въ нашей избѣ клопамъ не было бы гнѣзда.

Чтобы лень не путался, на вербное воскресенье, до солнца „вяжутъ у филина ноги“, т. е. связываютъ пучкомъ ржаной соломы два стоячихъ кола въ огородѣ (изгороди).

Ложиться на лавку или на полъ въ избѣ ногами къ иконамъ—не слѣдуетъ: скоро умрешь; ногами къ иконамъ кладутъ только покойниковъ. Также нельзя ложиться вдоль по соломѣ, надо поперекъ, потому что вдоль по соломѣ моютъ покойниковъ.

Когда болятъ зубы, кусаютъ кипарисный образъ, который всегда найдется у когонибудь (приносятъ отъ Соловецкихъ).

Если перешагнешь черезъ стельки, сдѣлается насморкъ.

Ладанки на шеѣ носятъ бабы, а мужчины—порохъ, зашитый въ мѣшечекъ, въ предохраненіе отъ болѣзней.

Если желна долго „ведетъ“ (т. е. протяжно кричитъ), будетъ протяжная весна.

Если снѣгъ сравниваетъ лога съ угорами, то вода будетъ большая.

Если заяцъ низко гложетъ осину, то вода будетъ низка, а если высоко, то высока.

Нѣкоторыя пословицы и поговорки.

1. Своя рука не сдрожитъ.
2. Ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто.
3. У всякаго старца по стѣвцу.
4. Бурлацкое горло все прометѣтъ.
5. У долга дѣлогъ вѣкъ.
6. Ужъ не то мое Танькино сердце, чтобы сарафана не пропить.
7. — Что ты, Танька, весела?—Въ рукавицу настяла.
8. Устанетъ, такъ перестанетъ.
9. Устюгъ Великой—народъ въ немъ дикой.
10. Хлѣбъ—соль—заѣмное дѣло.
11. Паны пиво выпили, а хозяевъ выбили.
12. Паръ костей не ломитъ, а вошка тепло любитъ.
13. Пей-ка воду: небольшого роду.
14. Чужой дуракъ—смѣхъ, а свой—стыдъ.
15. Богатъ, да не Богу братъ.
16. Дѣвка не кошка, не выкинешь изъ окошка.
17. Какъ ни плыть, а у дна быть.
18. Кто курить табачокъ, у того и праздничекъ.
19. Табакъ да баба—одна забава.
20. На чужую кучу неча глаза пучить.
21. Не ходи въ лѣсъ, коли зайца боишься.
22. Ношамое носится, держамое дѣржится.
23. Одной рукой и узла не завяжешь.
24. Работой не прокормишься, былъ бы хлѣбъ.
25. Сапогъ лаптю не дръжка.
26. Привыкла жопа пердѣтъ—трудно терпѣтъ.
27. Прежде за „спасибо“ мужикъ три года работалъ.
28. Поѣлъ бы рѣпки, да зубы рѣдки.
29. Пошла кишка по мѣшкамъ.
30. Воронѣ гдѣ ни летать, вездѣ говно клевать.
31. Потѣха дѣду не помѣха.
32. Запутался, какъ курица въ отряпяхъ.
33. Потопаешь, такъ и полопаешь.
34. Много милыхъ, да мало добрыхъ.
35. Пошелъ кормиться, такъ некуда торопиться.
36. Считаю на мнѣ, а получаю на пнѣ.

37. Тугонокъ я тебѣ, орѣшекъ, дался.
38. Сытъ покуда: съѣлъ полпуда, стало семь фунтовъ, послѣ съѣмъ.
39. Повѣрь бабѣ—дуракомъ и будешь.
40. Повѣрь кошке мясо стерегчи!
41. Рыбы не хочу, и жопы не мочу.
42. Посердишься—недалѣко свѣрнешься (т. е. тутъ-же будешь).
43. Пьемъ, попьемъ, за другимъ пошлемъ.
44. Пьемъ, попьемъ, гдѣ мы денежки беремъ?
45. Рядись—не торопись, работай—не лѣнись (рядись—поряжайся въ работу).
46. Расчитаюсь—на томъ свѣтѣ угольемъ.
47. Пьянъ такъ богатъ, проспнись, такъ нищій.
48. Пилось-бы да ѣлось, да работунка на умъ не шла.
49. Мнѣ ужъ домъ-отъ козой-кажется (т. е. надоѣлъ).
50. Яръ, да локтя не окусишь.
51. Горшокъ чугуну не товарищъ.
52. Изъ говна возульки не сдѣлаешь (т. е. изъ худого матеріала не сдѣлаешь хорошей вещи).
53. Ложку не доvezъ, а ротъ открываешь.
54. Плохо жить съ одного конца.
55. Хлопай рукавичамъ, недалеко до Комаричи (говорять „сплавные“ рабочіе, возвращаясь осенью домой изъ Архангельска. Комарица—селеніе на Двинѣ).
56. Туровечкая Богомать, помоги якорь достать (просятъ двинскіе судо-рабочіе. Туровецъ—селеніе на Двинѣ).

Н. Ивануцкій.

Петрозаводскъ.
Декабрь, 1897.
